

АННА ВЕРДЕРИ



АКАДЕМИЯ ЭТЕРИЙ:
ПАРОВОЙ БАРЬЕР

18+

Анна Вердери

Академия Этерии: Паровой барьер

«Автор»

2026

Вердери А.

Академия Этерии: Паровой барьер / А. Вердери — «Автор»,
2026

Я всегда считала себя обычной девушкой: работа, привычная жизнь и огромный пёс Цезарь — тёплый бок под ладонью, мокрый нос в руку и единственный, с кем я говорю дома вслух. Пока однажды не оказалась в другом мире — Этерии, где существует магия. Здесь выясняется, что я владею сразу двумя стихиями — Огнём и Водой: жар и холод в ладонях. Такого не должно существовать. А ещё здесь есть ректор Академии Этерии Элиран Вейн — холодный, надменный и невыносимо красивый мужчина, чьё Чистое Пламя странным образом реагирует на мою магию. Стоит нам сблизить руки — и между нами встаёт пар, сквозь который не проходит чужое. Но тайн у Этерии слишком много. Почему моя фамилия стоит в старых книгах академии, где меня никогда не было? Почему Цезарь — не просто собака? И кто за мной охотится? Пока мы ищем ответы, древняя угроза пробуждается. И я начинаю понимать: я не случайно попала в этот мир. Я вернулась домой.

© Вердери А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обычный день Евы	5
Глава 2. Цезарь, который явно что-то знает	11
Глава 3. Переход	17
Глава 4. Академия Этерии	21
Глава 5. Первый разговор с ректором	28
Глава 6. «Вы дефектная»	35
Глава 7. Первое проявление Огня	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анна Вердери

Академия Этерии: Паровой барьер

Глава 1. Обычный день Евы

Ева Корнилова проснулась за три минуты до будильника и полежала немного с закрытыми глазами, пытаясь понять, зачем природа вообще придумала понедельники.

За окном шёл дождь. Не тот осенний, который хорошо смотрится на фотографиях и годится для чашки кофе у окна, а обычный городской ливень: серое небо, мокрый асфальт, машины, разрезающие лужи, и капли, стучащие по стеклу с упорством человека, который пришёл и не собирается уходить.

Квартира была маленькая — однушка на четвёртом, с кухней в четыре шага и балконом, на который Ева всё собиралась купить стулья и всё не покупала. За стеной у соседей уже бормотал телевизор. Во дворе под фонарём кто-то выгуливал собаку, и та упрямо тянула хозяина к мокрой траве.

Из кухни доносилось тяжёлое дыхание.

Ева открыла глаза.

— Только не говори, что ты уже там.

В ответ раздался короткий вздох. Она повернула голову: в дверях спальни сидел Цезарь — огромный, рыжевато-песочный, с массивной головой и вечным выражением глубокой неудовлетворённости жизнью. Смотрел он на неё так, словно лично пришёл напомнить о нарушении важного пункта договора.

Ева потянулась к телефону. 7:17. Будильник должен был позвонить через три минуты.

— Ты мог бы хотя бы раз дать мне поспать до него.

Цезарь моргнул.

— Да, конечно. Ты прав. Я сама виновата, что завела собаку, которая считает себя моим начальником.

Пёс отвернулся, и Ева снова закрыла глаза. Через несколько секунд по полу застучали тяжёлые когти. Цезарь подошёл к кровати, ткнулся влажным носом ей в плечо и отступил.

— Нет.

Он ткнулся снова.

— Цезарь.

Ещё раз.

— Я встала.

Пёс отошёл к двери и остановился там, проверяя, исполняется ли договор. Ева села и посмотрела ему вслед.

— Когда-нибудь я заставлю тебя готовить мне кофе.

Цезарь обернулся.

— Не смотри так. Это не просьба.

Он вышел. Так чаще всего и начиналось её утро: с тяжёлых шагов, вздохов и молчаливого осуждения. Кофе был уже потом.

Тепло от него ещё держалось на одеяле — сухое и ровное, будто под шерстью лежал нагретый камень. Ева давно решила, что это порода: большие собаки греют, как батареи.

Она нашла его семь лет назад — точнее, он нашёл её. В тот день Ева возвращалась домой поздно, под таким же дождём, и у круглосуточного магазина на углу увидела щенка. Щенок сидел на асфальте и с таким достоинством игнорировал прохожих, будто ждал исключительно её. Он был уже тогда слишком большим для щенка — и слишком спокойным: не скулил, не

жался к стене, только смотрел. Асфальт под ним остался сухим. Ева списала это на ветер и попыталась пройти мимо.

Не получилось.

Через двадцать минут она стояла в круглосуточном зоомагазине с мокрым недовольным комком шерсти на руках, покупала ошейник, миску и корм и понятия не имела, как именно её жизнь только что изменилась.

Имя придумалось само. Цезарь — потому что обычному псу с такой мордой требовалось соответствующее имя.

С тех пор они жили вместе. Ева была уверена, что знает о нём всё. По крайней мере, ей так казалось. Он ни разу не лаял и не скулил — только вздыхал, фыркал и, когда злился, рычал, — и этот звук она не спутала бы ни с чем. Ветеринар в первый год сказал: «Спокойный. Слишком спокойный». Ева тогда решила, что это комплимент.

К восьми двадцати она уже стояла перед зеркалом, застёгивая часы. Двадцать пять лет. Тёмные волосы собраны в небрежный хвост, под глазами — лёгкие следы недосыпа, который она упорно называла профессиональной необходимостью, хотя знала, что это просто привычка работать дольше, чем нужно. Чёрные брюки, светлая рубашка, строгий жакет — форма человека, которому нечего доказывать. Ева не стремилась производить впечатление; она предпочитала, чтобы за неё это делали результаты.

На кухне Цезарь уже ждал завтрака.

— Не смотри на меня так, будто я тебя морю голодом.

Пёс смотрел.

— Ты ел в шесть.

Взгляд стал ещё более осуждающим.

— Это было два часа назад.

Цезарь тяжело вздохнул, и Ева открыла холодильник.

— Ладно. Только потому, что я сегодня добрая.

Кусок мяса исчез на лету.

— Вот. А теперь иди лежать.

Цезарь не ушёл. Он сел напротив, и Ева несколько секунд выдерживала его взгляд, прежде чем поняла, что спорить бессмысленно.

Потом пёс демонстративно лёг прямо в проходе.

— Прекрасно.

Ева взяла чашку.

— Вставай.

Никакой реакции.

— Цезарь.

Одно ухо дёрнулось.

— Если я опоздаю на работу, я скажу начальнику, что это ты меня задержал. И даже свидетелем тебя приведу.

Ева переступила через него и пошла за сумкой. Ключи, пропуск, зонт, который она всё равно не откроет, — всё привычное, всё на своих местах. У двери она проверила замок. Раз. Два. Потом потянула за ручку ещё раз. Цезарь, уже сидевший рядом, наблюдал.

— Что? Я знаю, что ты думаешь. Да, я проверила три раза.

Он не отвёл взгляда.

— Иди на место.

Пёс не двинулся — просто остался стоять у двери, провожая её, как провожают человека, который уходит в дождь и об этом ещё пожалеет.

Работа аудитора редко выглядела так, как её представляли люди. Никаких эффектных расследований, никаких шпионских операций и сейфов с миллионами. В основном — таб-

лицы. Много таблиц. Документы, счета, отчёты, подписи и бесконечное количество людей, которые искренне считали, что ошибка на двадцать третьей странице приложения к договору останется незамеченной.

Ева замечала. Всегда.

Офис занимал третий этаж бывшего институтского корпуса: длинный коридор, линолеум, лампы, которые включались только с третьего щелчка, и кофейный автомат у лестницы, умевший ровно один напиток и не умевший делать его хорошо. Ева пришла первой, разложила папки и за сорок минут до начала проверки уже нашла два расхождения в подготовленных для неё документах. Оба она оставила на виду, не сказав ни слова: пусть человек сам увидит, что его бумаги Ева читала внимательно.

Она сидела в переговорной, листала документы и уже минут десять слушала объяснения финансового директора.

— Здесь, вероятно, произошла техническая ошибка.

Ева подняла глаза.

— Какая именно?

— Ну... цифры.

— Я вижу.

— Видимо, сотрудник допустил опечатку.

Она перевернула страницу.

— Трижды?

— Простите?

— Одна и та же опечатка повторяется в трёх документах. И суммы каждый раз растут.

Мужчина замолчал. Ева посмотрела на него поверх очков.

— Я не обвиняю вас в мошенничестве.

Он заметно расслабился.

— Пока, — добавила она.

Рядом кто-то кашлянул. Ева едва заметно улыбнулась: она никогда не считала себя жёстким человеком, просто не видела смысла кричать, если можно спокойно показать человеку документ, дату и сумму. После этого люди обычно начинали нервничать сами.

Через час проверка закончилась. Ева закрыла папку и посмотрела на часы: 14:36. Телефон завибрировал.

Мама.

— Привет.

— Ты занята?

— Теперь нет.

— Ты сегодня приедешь?

Ева на секунду замолчала.

— Конечно.

— Хорошо.

Что-то в голосе матери заставило её нахмуриться.

— Мам?

— Да?

— Всё нормально?

— Конечно.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Ты врёшь.

На другом конце послышался тихий смехок.

— Ничего от тебя не скроешь.

— Я аудитор. У меня профессиональная деформация.

— Приезжай вечером.

— Хорошо.

— И возьми Цезаря.

Ева улыбнулась.

— Он будет счастлив.

— Я не про него.

— А про кого?

Мама помолчала.

— Ни про кого. Просто приезжай.

Связь оборвалась. Ева ещё несколько секунд держала телефон возле уха, слушая гудки, и смотрела на мокрое окно.

Странно. Мама никогда не говорила с ней таким тоном.

Ева положила папку на край стола и открыла рабочий чат. Через несколько секунд пришло: «Срочно нужен ещё один отчёт».

— Конечно, — сказала она экрану. — Потому что почему бы и нет.

Домой Ева вернулась почти в девять. Дождь к вечеру выдохся, оставив после себя чёрный блеск на асфальте, лужи во дворе и запах мокрого бетона в подъезде. Лампочка на этаже мигала, как всегда.

Цезарь встретил её у двери — без лая и без прыжков. Просто посмотрел, будто проверял, та ли это хозяйка, которая утром вышла из квартиры.

— Я тоже рада тебя видеть.

Он повернулся и ушёл в комнату. Ева бросила сумку в кресло, сняла пальто, прошла следом и остановилась: пёс сидел у окна и смотрел во двор.

— Что ты там делаешь?

Он не ответил — во всяком случае, не так, как отвечают собаки. Ева подошла ближе. За окном был обычный двор: фонари, мокрые дорожки, редкие прохожие под зонтами, машины, оставленные вдоль бордюра, ничего такого, на что стоило бы смотреть четверть часа.

— Там кто-то есть?

Цезарь не двинулся. Ева положила ладонь ему на бок. Бок был тёплый — сухой ровный жар, будто под шерстью лежал нагретый камень.

— Пойдём. Нам ещё к маме.

Он повернул голову, и на несколько секунд их взгляды встретились. Еве показалось, что в глазах у него есть что-то, чего у собак не бывает: слишком внимательное, слишком осмысленное, как у человека, который решил пока не говорить.

Она моргнула, и ощущение исчезло.

— Всё, хватит. Поехали.

Через десять минут они вышли из квартиры. Дорога до родителей занимала около двадцати минут: через два светофора, мимо торгового центра с погасшей вывеской, потом по мосту и налево, в район, где дома ниже, улицы шире, а под окнами столько тополей, что в июне дворы стоят белые от пуха.

Цезарь лежал на заднем сиденье, вытянув лапы, а Ева время от времени поглядывала на него в зеркало.

— Только не начинай храпеть.

Из салона донёсся тяжёлый вздох.

— Я серьёзно.

Пёс закрыл глаза.

— Невыносимый.

Мама открыла дверь почти сразу, будто стояла в коридоре и слушала лестницу.

— Наконец-то.

— Я не опоздала.

— Я знаю.

Она обняла дочь, потом потрепала Цезаря по голове.

— Привет, красавец.

Цезарь позволил себя погладить с достоинством человека, который оказывает услугу.

— А папа где? — спросила Ева, снимая пальто. В квартире пахло луком, нагретым маслом и старым деревом — запахом, который она узнала бы с закрытыми глазами.

— На кухне.

— Что готовите?

— Ничего особенного.

— Значит, будет слишком много еды.

— Конечно.

Отец выглянул из кухни, вытирая руки о полотенце, сказал: «О, явилась» — и тут же вернулся к плите, будто у него там что-то убегало.

Вечер получился спокойным. Настолько, что Ева постепенно перестала думать о странном разговоре. Они ужинали и спорили о какой-то новости, отец рассказывал историю с работы, которую она уже слышала дважды, а мама два раза подливала ей чай, хотя Ева говорила, что больше не хочет. Цезарь улёгся под столом. Ева машинально опустила руку и провела пальцами по его шерсти — жёсткой, тёплой, знакомой до последней пряди.

Всё было привычно. Тепло. Спокойно. Дом.

И один раз, когда отец вышел на кухню за чайником, мама посмотрела на неё через стол — не мельком, а долго, будто собиралась сказать что-то, что держала в себе давно и всё не решалась. Ева подняла глаза.

— Что?

Мама улыбнулась и покачала головой.

— Ничего. Ешь.

Она сказала это тем же тоном, каким утром по телефону ответила «конечно» на вопрос, всё ли нормально, — слишком ровно, слишком быстро. Ева отметила это и не стала настаивать. Аудитор не спорит со свидетелем, который ещё не готов говорить.

После ужина Ева пошла в коридор — за второй чашкой для отца, как она сказала, — и остановилась у полки под зеркалом.

Там стояли альбомы. Толстые, в потёртых обложках, с уголками, пожелтевшими от времени. Ева взяла верхний и вернулась на кухню.

— Мам, можно?

Мама подняла глаза, посмотрела на альбом и кивнула.

Ева открыла его на первой странице.

Ей было месяца три. Она лежала на одеяле, вытаращив глаза на объектив, и рядом была видна рука, которая её поддерживала. Дальше — тоже она: первый зуб, первый шаг, двор, зима, мама в пальто, отец с ёлкой, школа, кухня, лето на реке. Снимки были клеены неровно, как клеятся такие снимки — то накриво, то сразу по два, — и Ева перелистала альбом до конца, потом вернулась к началу и просмотрела снова.

Ни одного снимка, где её нет.

Ни свадьбы, ни дома, ни родителей молодыми.

— Мам.

— М?

— А до меня?

— Что до меня? — Мама улыбнулась, но продолжала смотреть на чашку.

— До меня. Совсем нет фотографий.

— Мы тогда не снимали.

Она ответила сразу. Без паузы, без вдоха, ровно — как отвечают на вопрос, который задавали себе заранее.

— Совсем? За несколько лет — ни одного снимка?

— Не до фотографий было.

— Ага, — сказала Ева и перевернула страницу назад, будто просто проверяла, как лёг снимок.

Спорить она не стала. Аудитор не спорит с документом — аудитор ставит пометку там, где не хватает страницы. И пометку она сделала: не в бумагах, а в памяти, коротко, как делала всегда, когда что-то не сходилось, но ещё не имело формы.

Альбом она закрыла и поставила на место. Потом достала второй. Потом третий. Все три начинались одинаково: с неё.

— Мам, ты заснула, что ли?

— Иду, — сказала мама из кухни.

Она надела пальто, поцеловала маму в щёку, отца — в небритую щёку, и уже у двери, когда Ева взялась за ручку, мама сказала:

— Ева.

— Да?

Она обернулась. Мама стояла в коридоре, придерживая дверь, и смотрела на неё так, как смотрела за столом.

— Ничего. Езжай аккуратно.

— Хорошо.

— И не гони.

— Не буду.

Дверь закрылась. Ева постояла секунду на площадке, слушая, как щёлкнул замок, и пошла вниз.

Цезарь уже сидел у машины.

Домой она вернулась около одиннадцати. Спать не хотелось, и она открыла ноутбук — закончить письмо, которое вполне могло подождать до утра. Оно не подождало: сорок минут Ева правила формулировки, дописала, отправила и только после этого легла.

В комнате было тихо. Цезарь устроился на полу у двери, положив морду на лапы, и, когда Ева погасила свет, он не двинулся, а только вздохнул.

Через час она уже спала.

Она не знала, что около половины второго Цезарь поднял голову. Посмотрел на дверь, потом на неё, потом снова на дверь, и слушал очень долго — так, как слушают, когда ждут.

Ничего не произошло.

Пока.

Глава 2. Цезарь, который явно что-то знает

На следующий день Ева проснулась с ощущением, будто ночью ей приснилось что-то важное.

Не страшное. Не приятное. Просто важное — и вспомнить его она не могла.

Она полежала несколько минут, глядя в потолок, по которому расплывалось серое утреннее пятно из щели в шторах, и пыталась поймать ускользающий образ. В памяти осталось только чувство: будто кто-то звал её по имени из очень далёкого места и ждал ответа. Не голос даже — тянущая пустота там, откуда голос должен был прийти.

За дверью что-то тяжело упало.

Ева вздрогнула, и пружина под матрасом скрипнула, будто тоже испугалась.

— Цезарь!

В ответ раздался глухой звук, будто по полу протащили мешок с картошкой.

— Что ты опять уронил?

Она вылезла из-под одеяла, накинула халат и вышла в коридор. На полу возле кухни лежала её сумка. Пустая. Рядом валялись кошелёк, ключи, косметичка, упаковка жевательной резинки и чей-то старый чек. Цезарь сидел посреди этого безобразия и смотрел на неё с видом человека, который сделал всё, что мог.

Ева посмотрела на него. Потом на сумку. Потом снова на него.

— Ты серьёзно?

Пёс невозмутимо смотрел в ответ.

— Зачем?

Цезарь поднялся, подошёл к сумке и ткнулся носом в боковой карман.

— Там ничего нет.

Он ткнулся ещё раз и не отошёл.

Ева присела, расстегнула молнию и сунула руку в карман. Пусто. Тогда она просунула пальцы глубже, до самого угла, куда обычно не достают, и нащупала металл.

Круглая пластинка на потёртой цепочке.

Ева достала её и повертела в руках. Пластинка была старая, в мелких царапинах, с давно стёршейся позолотой по краю. На поверхности — знак: круг, а внутри две пересекающиеся линии, похожие одновременно на языки пламени и на волну.

Ева замерла не из-за знака. Из-за того, что карман был застёгнут.

Всё остальное из сумки вывалилось, потому что пёс её перевернул. Молнию бокового кармана кто-то расстегнул отдельно — спокойно, на два сантиметра, и оставил открытой ровно настолько, чтобы она нащупала пластинку.

— Откуда ты его взял?

Цезарь молчал.

— Нет, серьёзно.

Пёс посмотрел на неё, и Ева вдруг почувствовала себя нелепо. Она разговаривала с собакой. С огромной собакой, которая, судя по выражению морды, прекрасно понимала вопрос и отвечать не собиралась.

— Ладно.

Она положила брелок на стол — не бросила, а именно положила, как кладут чужую вещь. И попыталась вспомнить, откуда эта вещь у неё.

Получалось плохо. Брелок был из тех предметов, которые помнишь не событием, а фоном: кажется, он лежал в коробке из-под печенья, где хранились пуговицы и старые ключи; кажется, какое-то время висел у неё на связке вместе с ключом от домофона; кажется, потом

пропал. Ни даты, ни привязки. Аудитор внутри неё отметил это отдельно: предмет есть, происхождения нет.

Цезарь подошёл к столу, понюхал воздух над брелоком и тихо зарычал.

Ева замерла.

— Что?

Рычание было совсем низкое, на границе слышимости, и в нём не было привычного предупреждения. Так он вёл себя только в грозу: подходил к окну, смотрел на небо и стоял там, будто пытался понять, что происходит, и решить, что делать.

— Ты его боишься?

Пёс посмотрел на металлический круг, потом на неё — и неожиданно положил лапу ей на руку.

Ева застыла. Цезарь никогда так не делал. Он вообще не любил, когда его трогали без предупреждения, и уж точно не трогал первым.

— Ты сейчас...

Она медленно убрала руку. Пёс не отводил взгляда.

Ей стало не по себе.

На работу она уехала, забрав брелок с собой — просто на всякий случай, сама не зная зачем. Музыка в машине не включила: в голове и без неё всё время стоял знак — круг, пламя, вода. Ерунда, разумеется. Старый символ, может быть, от украшения или от чьей-то печати.

Документы шли мимо. К обеду Ева сдалась и открыла поисковик: набрала описание, потом другое, потом совсем уж стыдное — «круг с двумя линиями значение».

Ничего.

Результаты становились только хуже: гербы, логотипы, символы из игр, форумы с длинными текстами про древние стихии и людей с особенными способностями. Ева закрыла вкладку, потом открыла заново, потом закрыла окончательно.

— Великолепно, — сказала она вслух. — Взрослая женщина, работа, ипотека — ищет в интернете значение загадочного знака на брелке.

Коллега за соседним столом подняла голову.

— Ты что-то сказала?

— Нет.

— Точно?

— Я разговариваю с собой.

— Тогда всё нормально.

Ева усмехнулась.

— Спасибо за поддержку.

Она вернулась к документам, но через несколько минут снова взяла телефон — только не для поиска. Ей почему-то очень хотелось позвонить матери. Вместо этого она открыла папку со снимками, которые мать годами скидывала ей «на память».

Папка называлась «Ева-разное», и в ней лежало несколько сотен файлов: детский сад, дача, школа, выпускной, чужие дни рождения, на которых она не помнила никого из гостей. Ева листала быстро, почти не глядя, пока не остановилась на одной.

Она сама, маленькая, между родителями, щурится от солнца. Отец держит её за плечо, мама улыбается. У их ног лежит Цезарь.

Ева приблизила снимок.

Пёс выглядел на нём точно так же, как выглядел сейчас: та же тяжёлая голова, та же песочная шерсть, тот же взгляд человека, которого оторвали от важных дел.

Странно.

Ей было на снимке не больше десяти лет, и она твёрдо помнила, что собаки у них тогда не было.

Ева открыла следующий снимок, потом ещё один. Разные квартиры, разные годы, разные причёски у неё самой. Цезарь оставался одинаковым.

Тогда она вернулась назад и посмотрела на даты в свойствах файлов. Детский сад — один год. Дача — другой, на пять лет позже. Выпускной — ещё через три. Снимки были из разных лет, а пёс — из одного.

Ева отложила телефон и минуту смотрела в окно.

Она не первый раз это замечала. Просто раньше не думала.

Цезарь появился у неё, когда ей было восемнадцать. Вот это она помнила твёрдо: ливень, круглосуточный магазин, щенок, слишком большой для щенка, и двадцать минут у кассы с мокрым комком шерсти на руках. Дальше память вела себя странно. Щенка на руках она видела ясно, как вчера. Взрослого пса у окна — тоже. А между ними было пусто: она не могла вспомнить, как он рос, когда лапы перестали помещаться на подоконнике, в каком месяце он перестал спать на её кровати.

Ева провела пальцем по экрану.

— Так не бывает, — сказала она тихо.

На работе никто не удивился: она и раньше разговаривала с таблицами.

Вечером она поехала к родителям, не позвонив. В понедельник они расстались словами «до выходных», и обычно Ева такие слова держала; но брелок лежал в кармане, а Цезарь всю дорогу смотрел в окно и не спал.

Мама открыла дверь и на секунду замерла.

— Ты же собиралась в выходные.

— Собиралась.

— Что-то случилось?

— Ничего, — сказала Ева. — Соскучилась.

Мама посмотрела на неё — и, кажется, не поверила ни одному слову, — но отступила в сторону.

Цезарь, который обычно входил первым и сразу шёл на кухню, встал на пороге и дальше не пошёл.

Ева чуть не налетела на него.

— Ты чего?

Пёс смотрел на мать.

Она стояла в двух шагах, с полотенцем в руках, и Ева увидела, как у неё изменилось лицо — на одно короткое мгновение, но изменилось: сначала удивление, потом что-то очень похожее на страх.

— Что с ним? — спросила мама, и голос у неё был ровный. Слишком ровный.

— Не знаю. — Ева потянула его за ошейник. — Цезарь, заходи.

Пёс не двинулся. Он стоял и смотрел на мать, а мать смотрела на него, и обоим, кажется, было совершенно ясно, о чём они молчат.

Ева это заметила. Такие вещи она замечала — профессиональная привычка.

— Мам?

— Что?

— Ты чего испугалась?

— Я не испугалась.

— Испугалась.

— Ева...

— Хорошо. Не хочешь говорить — не говори.

Она отпустила ошейник. Цезарь медленно вошёл в квартиру и прошёл мимо матери, не глядя на неё.

За ужином разговор шёл о работе, о погоде и о соседях, у которых опять что-то случилось с машиной. Темы были обычные — слишком обычные, как будто их выбрали по списку. Ева почти не слушала: она смотрела на мать. Мать то и дело поглядывала на Цезаря. Цезарь сидел возле стола и смотрел на мать.

— Ладно, — сказала наконец Ева. — Что происходит?

Мама положила вилку.

— Ничего.

— Ты сегодня уже второй раз это говоришь.

— Потому что ничего не происходит.

— Тогда почему ты смотришь на Цезаря так, будто он только что сообщил тебе плохие новости?

Мама промолчала. Внутри у Евы начало подниматься раздражение — знакомое, неприятное, как изжога.

— Мам, я не ребёнок.

— Я знаю.

— Тогда скажи мне правду.

Несколько секунд мать молчала. Потом тихо спросила:

— Тот брелок при тебе?

Ева застыла.

— Какой?

— Металлический.

— Откуда ты знаешь?

Мама побледнела сильнее. Цезарь поднял голову и впервые за весь вечер посмотрел не на мать, а на Еву.

— Ты его видела? — спросила мать.

— Я тебя спрашиваю.

— Где ты его нашла?

— В своей сумке. Утром. Он лежал в боковом кармане, который до этого был застёгнут.

— Ева помолчала. — Он сейчас со мной, если ты об этом.

Мать закрыла глаза. Ева успела заметить, как пальцы у неё на секунду сжались в кулак — так сжимают руку, когда очень хочется что-то сделать и нельзя.

— Он не должен был там оказаться.

— Что значит «не должен»?

— Ничего.

— Опять ничего.

— Ева, просто отдай его мне. — Голос у матери сорвался на полуслове. — Пожалуйста.

— Почему?

— Так будет лучше.

— Лучше для кого?

Мама не ответила. Ева откинулась на спинку стула.

— Вот теперь точно не отдам.

Мать посмотрела на неё долгим взглядом, и Еве стало неудобно: это был не взгляд матери, которой перечат за столом. Так смотрит человек, который уже видел, чем такое заканчивается.

— Он был тёплый? — спросила она вдруг.

— Что?

— Брелок. Когда ты его достала — он был тёплый?

Ева хотела ответить «нет». Металл в квартире не бывает тёплым, и у вопроса не было ни одной причины прозвучать за ужином. Но она вспомнила утро: как пластинка легла в ладонь и как ладонь не почувствовала холода.

Она промолчала.

— Я не могу объяснить, — сказала мать. — Я не знаю всего. Я знаю только то, что мне сказали.

— Кто сказал?

— Ева.

— Кто, мам?

Мама перевела взгляд на Цезаря. И на этот раз Ева увидела всё совершенно ясно: страх. Только не за себя.

— Если Цезарь когда-нибудь начнёт вести себя так, будто тебе что-то угрожает, — сказала она медленно, как повторяют заученное, — доверься ему. И если он куда-нибудь тебя поведёт — не сопротивляйся. Не удерживай. Иди за ним.

Ева несколько секунд смотрела на неё. Потом рассмеялась — не потому, что было смешно, а потому, что иначе не знала, как ответить.

— Ты сейчас серьёзно?

Мама не улыбнулась.

— Да.

В квартире стало тихо, слышно было, как капает кран на кухне. Цезарь поднялся, подошёл к Еве и сел рядом, так плотно, что она почувствовала боком сухой жар его шерсти.

— Ладно, — сказала она. — Допустим, я ему доверяю.

— И ещё кое-что.

— Что?

— Пока ничего не происходит.

— Мама, это не ответ.

— Это всё, что я могу сказать.

Ева уехала почти в полночь. Всю дорогу она молчала, а Цезарь лежал на заднем сиденье и не спал — в зеркале было видно, как блестят его глаза.

Ночью она долго не могла уснуть. Цезарь лежал у двери спальни, брелок остался на столе, и Ева почему-то не стала его убирать. В темноте пластинка казалась почти чёрной.

— Ну и что ты знаешь? — спросила Ева в потолок.

Пёс поднял голову.

— Ты ведь знаешь, правда?

Он смотрел на неё и не отводил взгляда.

— Конечно, не ответишь.

Цезарь снова положил голову на лапы.

Прошло несколько минут — а может, полчаса, она уже не понимала. Потом в комнате раздался звук: очень тихий, будто металл коснулся дерева.

Ева открыла глаза. Брелок лежал на столе как лежал.

Она уже хотела повернуться на другой бок, когда Цезарь поднялся и подошёл к столу. Постоял, глядя на металлический круг, потом обернулся к ней — и тихо, почти неслышно зарычал. Стекло в оконной раме отозвалось еле слышным дребезгом.

Ева села.

— Что там?

Пёс стоял неподвижно. В его взгляде не было ни страха, ни злости — только ожидание, как у существа, которое знает, что случится дальше, и ждёт, когда это начнётся.

Ева протянула руку к брелку.

Цезарь шагнул и встал между ней и столом.

— Ты не хочешь, чтобы я его брала?

Он не двинулся. Ева посмотрела на него, потом на металлический круг — потёртый, тусклый, со знаком, которого нет ни в одном поисковике.

— Хорошо.

Она убрала руку. Пёс ещё несколько секунд стоял, потом лёг обратно у двери.

Ева долго смотрела в потолок. Впервые за много лет она позволила себе простую мысль: а что, если Цезарь действительно всё понимает?

И почти сразу ответила себе: нет. Конечно нет. Это собака. Огромная, странная, временами совершенно невыносимая собака — и всё-таки собака.

За окном шёл дождь. На столе лежал знак, который она не помнила, чтобы когда-либо клала в свою сумку.

И Цезарь до утра не сомкнул глаз.

Глава 3. Переход

Утром дождь кончился.

Ева проснулась от тишины. Непривычной до звона в ушах: ни стука капель по подоконнику, ни гула машин, который слышно даже сквозь закрытые окна. Серый свет лежал на стенах, будто комнату накрыли мокрой марлей, и половица под кроватью щёлкнула, остывая.

Цезарь сидел у двери спальни и смотрел на неё.

Он не спал. Именно смотрел — тяжело, не мигая.

Ева несколько секунд наблюдала за ним, пытаясь понять, что её разбудило, потом потянулась к телефону. Экран вспыхнул в полутьме и высветил пылинки в воздухе.

07:12.

— Цезарь, если ты собираешься сообщить мне, что наступил конец света, — пробормотала она, — дай хотя бы пять минут.

Голос сел со сна и в тишине прозвучал слишком громко. Пёс не шелохнулся — только повернул голову к окну.

Ева села на кровати и спустила босые ноги на прохладный пол.

— Что там?

Цезарь поднялся. Когти щёлкнули по паркету — и в этот момент на стекле что-то блеснуло, коротко, как отражение того, чего в комнате нет.

Она подошла и раздвинула шторы; кольца проехали по карнизу с металлическим шорохом. За окном лежал обычный двор: мокрый асфальт в тёмных пятнах, машины с осевшими на крышах каплями, голые ветви, лужи после вчерашнего. Ничего.

Но отражение в стекле было чужим. На мгновение за её спиной вместо комнаты стоял лес — высокие тёмные стволы, туман между ними, холодный голубоватый свет. Стекло под ладонью было ледяным.

Ева резко обернулась.

Спальня была на месте: кровать со смятым одеялом, шкаф, кресло с брошенной на него одеждой, Цезарь у двери.

Она снова посмотрела в окно. Леса не было.

— Отлично, — сказала она вслух. — Недосып. Именно этого мне и не хватало.

Цезарь подошёл и ткнулся носом ей в ладонь. Нос был сухой и тёплый, шерсть под пальцами — жёсткая, как щётка.

— Ты тоже это видел?

Пёс не ответил.

Она уже собиралась отойти от окна, когда заметила на столе пластинку.

Ту самую. Вчера она оставила её там, где положила после разговора с матерью, и с тех пор к столу не подходила.

Теперь цепочка была расправлена — звено к звену, без единого узелка, — а круглая пластина лежала знаком вверх.

И знак светился.

Едва заметно: не светом, а скорее изнутри, как металл, который нагрели до тёмно-красного и вовремя убрали из огня.

Ева замерла. В горле стало сухо.

Цезарь низко зарычал — не из пасти, откуда-то из груди, с самого дна.

— Не подходить? — спросила она.

Пёс встал между ней и столом.

— Хорошо.

Ева медленно отступила на шаг. Свет погас. На секунду в комнате стало тихо так, что она слышала, как в стене кухни переливается вода — тихо, булькая.

А потом пластинка издала звук: тонкий, почти неслышный звон, будто где-то далеко ударили по стеклу.

И воздух дрогнул.

Холод прошёл по коже — по предплечьям, по затылку, — забрался под рёбра и на мгновение сдавил грудь. Не утренний холод от открытого окна: у этого не было источника в комнате.

Ева сделала ещё шаг назад.

Цезарь зарычал сильнее. Стекло в окне пошло рябью, как вода в стакане, который поставили на вибрирующий стол.

Ева успела только подумать, что так не бывает, когда пространство перед ней провалилось внутрь самого себя.

Ни вспышки, ни грома. Комната просто стала неправильной: стены вытянулись, пол качнулся под ногами, воздух приобрёл запах мокрого камня и раскалённого металла — как в подвале, где стоит что-то большое и горячее.

— Цезарь!

Пёс рванулся к ней. Ева схватилась за его ошейник — жёсткая кожа, холодная застёжка под пальцами, — и в тот же момент пластинка сорвалась со стола сама. Не упала, а скользнула по столешнице к ней, будто её тянули за нитку; Ева поймала её раньше, чем успела испугаться, и цепочка обвилась вокруг запястья — холодная, а через секунду уже тёплая от руки.

А потом пол исчез.

Она не падала вниз. Её потянуло вперёд — сквозь холод, сквозь пространство, сквозь саму ткань мира.

Ева закричала.

Цезарь зарычал так, что звук ушёл куда-то далеко и вернулся оттуда чужим, будто его слышало нечто огромное.

Вокруг вспыхнул свет: синий, золотой, оранжевый. На мгновение она увидела бесконечные линии, похожие на трещины в стекле, и за ними — другие места: незнакомые улицы, чужие здания без окон, небо с двумя лунами, высокие башни, оплетённые светящимися символами. Оттуда тянуло сухим жаром, как из открытой печи.

А потом всё исчезло.

Ева упала. Жёсткая земля ударила под колени, она вскрикнула, выпустила ошейник и несколько секунд просто лежала, пытаясь понять, жива ли вообще.

В нос ударил запах травы. Мокрой земли. Дыма. И чего-то сладкого, цветочного, густого, как сироп.

Пальцы сжали пучок травы — холодной, мокрой, с острыми краями листьев.

Перед ней был лес. Настоящий: огромные деревья уходили вверх и терялись в тумане, кора в глубоких бороздах, между стволами мерцали крошечные огоньки, будто кто-то рассыпал в воздухе золотую пыль.

Над головой было небо. Не её небо — слишком глубокое, почти фиолетовое, с огромной серебряной луной и второй, гораздо меньшей, висящей ниже первой.

Ева несколько секунд смотрела вверх, чувствуя, как туман оседает на лицо мелкой холодной моросью. Потом очень медленно произнесла:

— Так.

Цезарь тяжело приземлился рядом и даже не пошатнулся. Шерсть на загривке стояла дыбом, в воздухе вокруг него держалось сухое тепло, а на траве под ним не было ни одной капли росы — трава там выглядела примятой и сухой, как в августе.

Ева посмотрела на него. Потом на лес. Потом снова на него.

— Мы не в нашем мире.

Цезарь тихо фыркнул — короткий выдох, облачко пара.

Ева закрыла глаза.

— Я сейчас проснусь.

Она ущипнула себя за предплечье. Больно, до слёз.

— Чёрт.

Открыла глаза. Лес остался. Две луны остались. Цезарь остался.

— Ладно, — сказала она. — Хорошо. Допустим.

Она поднялась, отряхнула ладони — земля прилипла к пальцам, мелкая, как пыль, — и огляделась. Первой мыслью было найти дорогу; второй — позвонить родителям; третьей — вспомнить, где телефон.

Ева похлопала себя по карманам. Пусто. Телефона не было, сумки тоже. На ней осталась домашняя одежда — тёмные брюки и свитер, — а на ногах мягкие тапочки, промокшие насквозь ещё до того, как она сделала первый шаг.

— Прекрасно.

Она посмотрела на Цезаря.

— Мы попали в другой мир в тапочках.

Пёс сел.

— Очень содержательная реакция.

И только потом Ева опустила взгляд на руку. Цепочка всё ещё обвивала запястье, вреза-
ясь в кожу; знак лежал на ладони, тёплый, как живая кожа.

— Брелок, — сказала она вслух и поморщилась. Для вещи, которая светится, ходит по столу и тянет за собой сквозь пол, у неё не было подходящего слова.

Цезарь поднял морду — и вдруг зарычал.

Ева мгновенно перестала шутить. Этот звук был ниже и глубже всего, что она слышала от него раньше, и в нём не было предупреждения человеку: он был адресован кому-то в лесу.

Где-то далеко за стволами ему ответили. Звук вернулся не сразу, будто шёл через воду.

— Что это? — спросила Ева, уже зная, что ответа не будет.

Цезарь встал перед ней.

Между деревьями что-то двигалось. Тени — слишком большие для человека и слишком плавные для зверя. Они шли, не задевая ни одной ветки, и лес вокруг становился тише, чем был: светящиеся огоньки в воздухе гасли один за другим.

Ева отступила на шаг. Под тапочком хрустнула сухая ветка.

И тогда произошло то, чего она не видела ни разу за семь лет.

Шерсть на загривке пса вспыхнула изнутри. Отдельными прядями — и по этим прядям пошло что-то, похожее на расплавленный металл: от песочного к золотому, от золотого к меди. Воздух вокруг задрожал от жара, и в ноздри ударил сухой горячий запах — озон и железо.

— Цезарь...

Он не обернулся.

Тени подошли ближе, и из тумана вышли трое. Они походили на огромных волков, но были слишком длинноногими и худыми; тела просвечивали, как дымное стекло, а вместо глаз горели тусклые голубые огоньки. От них тянуло холодом, как из открытого погребя.

Ева попятилась и спиной нащупала ствол. Кора под ладонями была шершавой и мокрой.

Один из них оскалился. Цезарь зарычал.

И лес ответил ему — глухим, тяжёлым звуком сверху, из-за деревьев: будто где-то далеко рухнуло что-то огромное и сдвинулось с места то, что сдвигать не следовало. Земля дрогнула, и с веток посыпалась вода.

Существа замерли. Первое попятилось, второе подняло голову, третье развернулось и ушло в туман, не оставив следа, остальные пошли за ним.

Ева не сразу поняла, что опасность миновала. Она всё ещё стояла, прижавшись к дереву, когда золото на шерсти пса погасло, будто кто-то задул огонь. Вместе с ним ушло тепло — сразу стало зябко и сыро, ноги промокли окончательно.

— Ты... — голос сорвался, она сглотнула. — Ты ведь знал.

Цезарь медленно повернулся. На мгновение его глаза показались ей слишком умными — почти человеческими, — и это пугало сильнее, чем волки из тумана.

Он подошёл и ткнулся мордой ей в руку. Ева положила ладонь ему на голову — шерсть уже остыла.

— Ты знал, что здесь будет.

Пёс отвернулся.

— Конечно, — сказала Ева за него. — Почему я вообще удивляюсь?

Где-то впереди ударил колокол: один раз, потом второй. Не металлический звук — глубже, длиннее, будто звучал сам воздух; от него заложило уши, а туман пошёл волной.

А потом между деревьями вспыхнул свет. Сначала одна золотая точка, потом ещё одна, и ещё — словно кто-то шёл вдоль дороги и зажигал фонари.

Ева выпрямилась.

За деревьями открылась широкая каменная дорожка, ровная, будто её клали вчера; плиты блестели от влаги. А далеко впереди стояли башни: высокие, тонкие, почти чёрные, с вершинами, сияющими голубым. На одной из них медленно вращалось вокруг шпиля огромное металлическое кольцо — беззвучно, хотя до башен было не меньше километра.

Ева смотрела на него и не могла отвести взгляд.

Она не знала, где находится. Не знала, почему оказалась здесь. Не знала, почему Цезарь знает дорогу. И больше всего на свете ей хотелось услышать голос матери и спросить только одно: что ты от меня скрывала?

Но рядом стоял только Цезарь.

Он смотрел на башни так, как смотрят на то, что видел уже не первый раз: без удивления, без страха, с чем-то похожим на усталое узнавание.

Ева заметила это. И впервые за всё утро ей стало по-настоящему страшно — холодно и пусто под рёбрами, будто там что-то выключили.

— Ты здесь уже был, да?

Цезарь медленно поднял голову.

Вдалеке снова ударил колокол. На этот раз вместе с ним вспыхнуло небо: над башнями развернулся огромный защитный купол, пронизанный линиями света, и под ним лежал город — дома, улицы, мосты, огни в окнах. А в центре города, за стенами, поднимался замок с четырьмя шпилями, и от него к куполу тянулись тонкие светящиеся нити.

Ева ещё не знала названия этого места. Не знала, что через несколько часов окажется за его воротами. Не знала, кто её там ждёт.

Но Цезарь уже смотрел именно туда — и не отводил взгляда.

И впервые за все годы, что он был рядом, Ева ясно почувствовала: он не заблудился.

Он привёл её домой.

Глава 4. Академия Этерии

Ева ещё долго не могла заставить себя сдвинуться с места.

Город лежал впереди — светлый, живой, ничем не похожий на мираж. Плиты дороги блестели от влаги, в швах между ними стояла вода. От камня тянуло холодом, а от улиц — тёплым, пыльным, с дымком и жареным тестом. Ева вдохнула и не поняла, чего ей хочется больше: идти туда или бежать в обратную сторону.

Высокие башни поднимались над крышами, соединённые мостами и галереями. На некоторых зданиях горели вывески, написанные незнакомыми знаками, и Ева с задержкой поняла, что читает их без усилий — так, как читают вывеску на своей улице: не переводя, просто зная.

Вдоль улицы плыли светящиеся сферы, заменявшие фонари. Далеко звенел колокол. Из открытого окна на втором этаже доносилась музыка — струнные, настроенные чуть иначе, чем дома: нота тянулась дольше, чем должна была, и не гасла.

Люди тоже выглядели почти обычными.

Именно это пугало сильнее всего.

Женщина в тёмно-синем платье несла корзину со светящимися фруктами — бледными, будто внутри каждого горела маленькая лампа. У фонтана спорили двое подростков, и один тыкал другого пальцем в грудь, а тот отмахивался. Мимо проехала карета без лошадей: колёса её не касались земли, под днищем мерцали голубые символы, и пыль на камнях расходилась в стороны, пропуская её.

Ева смотрела на всё это и не могла совместить увиденное с собственной жизнью.

Ещё утром она собиралась на работу. Ещё утром самым серьёзным её вопросом было, успеет ли она до девяти закончить отчёт.

Теперь она стояла в промокших тапочках в другом мире, без телефона, без сумки и без единой монеты в кармане. Мелкие камешки впивались в подошвы сквозь тонкую ткань, и это было единственное, чему можно было верить: камешки были настоящие.

Рядом сидел Цезарь, который, судя по всему, знал об этом мире куда больше, чем его хозяйка.

— Я всё-таки надеюсь, — сказала Ева, медленно выдохнув, — что где-нибудь здесь есть психиатрическая клиника.

Цезарь посмотрел на неё.

— Не смотри так. Я серьёзно.

Он отвернулся.

— Предатель.

Улыбка у неё вышла слабой — так улыбаются, когда шутят, чтобы не закричать.

Она снова посмотрела на город. Всё это было слишком настоящим: ветер, шум голосов, тепло от светящихся сфер, влажный камень под ногами, мелкая изморось на лице.

Это не сон.

И если это не сон, вопрос «как вернуться» становился важнее вопроса «как я сюда попала».

Пальцы сами сжали круглую пластину на цепочке. Металл под ладонью был тёплый — ровно тёплый, как рука под одеялом. Ева разжала пальцы и заставила себя об этом не думать.

Она опустила взгляд на psa.

— Ладно. Допустим, ты действительно привёл меня сюда. Что теперь?

Цезарь поднялся, развернулся и пошёл по дороге.

— Конечно, — сказала Ева ему в спину. — Никаких объяснений. Почему бы и нет.

Она поспешила за ним, обходя швы между плитами: там стояла вода, холодная, как в лесу.

Дорога привела их к воротам.

Створки поднимались выше трёхэтажного дома — кованые, тёмные, с золотыми полосами по краю, и по полосам медленно двигался свет. За ними начиналась территория Академии.

Ева остановилась.

Она ждала чего-то вроде старинного университета: каменные стены, башни, внутренний двор.

Этерия не признавала понятия «что-то вроде».

Академия занимала целый район города. Главное здание поднималось над остальными постройками, как замок, которому удалось срастить средневековую кладку с чем-то совершенно невероятным: башни соединялись стеклянными переходами, и под ними ходили люди; по стенам тянулись тонкие золотые линии, сходясь в узоры, которые Ева не смогла проследить до конца.

Над воротами висел герб.

Круг, разделённый на четыре части.

Огонь. Вода. Воздух. Земля.

Под ним была надпись.

АКАДЕМИЯ ЭТЕРИИ.

Ева прочитала её без труда и от этого поёжилась.

— По крайней мере, язык я понимаю, — пробормотала она.

— Это уже хорошо.

Она вздрогнула.

Мужчину у ворот она заметила не сразу — он стоял в двух шагах, будто был там всё время. Пожилой, седой, в длинной тёмной мантии, с тонкой металлической тростью; верх трости светился мягким зелёным светом, и трава у её основания казалась от этого теплее, чем была.

Он внимательно смотрел на Еву.

Потом перевёл взгляд на Цезаря.

И его лицо изменилось. Совсем немного — дрогнуло что-то вокруг глаз, — но она заметила. Мелочи Ева замечала всегда, даже когда не хотела.

— Вы знаете его? — спросила она.

Мужчина не ответил сразу.

— Я знаю тех, кто должен был прийти, — наконец произнёс он.

Ева нахмурилась.

— А я не должна была?

— Не сегодня.

Цезарь тихо зарычал.

Мужчина отступил на шаг — спокойно, без суеты, как отступают от огня, чтобы не мешать ему гореть.

— Я бы не стал проверять его терпение, госпожа.

— Поверьте, я тоже.

Ева оглянулась на ворота.

— Мне нужно попасть внутрь.

— Это я уже понял.

— И желательно получить ответы.

— На какие вопросы?

Она открыла рот.

Закрыла.

Вопросов было слишком много, и все они толкались, мешая друг другу.

— Для начала — где я нахожусь.

Старик посмотрел на неё так, будто ответ был очевиден.

— В Этерии.

— Это название города?

— Мира.

Ева замерла.

Слово прозвучало просто и буднично, как «в России» или «в Подмосковье». Но внутри неё что-то оборвалось и полетело вниз.

Она посмотрела на Цезаря.

Тот спокойно сидел возле её ноги.

— Понятно, — тихо сказала Ева.

На самом деле ничего понятно не было.

Старик указал тростью на ворота.

— Вам туда.

— А если я не хочу?

— Тогда вам всё равно туда.

Ева посмотрела на него с подозрением.

— Вы здесь все такие?

— Какие?

— Уверенные, что окружающие будут делать именно то, что вы сказали.

Старик едва заметно улыбнулся — одними губами, не разжимая их.

— Нет. Только те, кто знает больше вас.

Ева не успела ответить.

Ворота начали открываться.

Тяжёлые створки разошлись бесшумно, хотя были огромными и, судя по виду, весили не одну тонну. Влажный воздух качнулся им навстречу. За воротами открылся внутренний двор.

И Ева впервые увидела адептов Академии Этерии.

Их было много.

Кто-то стоял группами и разговаривал, кто-то спешил между зданиями с сумками через плечо, кто-то тренировался на площадке в глубине двора — камень там был вытоптан до блеска, а по краям валялись осколки, которые никто не убирал. В воздухе то и дело вспыхивали искры, короткие, как от сварки, и гасли, не долетев до земли.

Над одной из клумб медленно кружился поток воды: поднимался столбом, распадался на капли и снова собирался. Держала его девушка с серебристыми волосами — стояла, заложив руки за спину, и смотрела не на воду, а куда-то в сторону. Несколько капель всё же срывалось и падало в траву, и трава под ними блестела, как после дождя.

Ева остановилась.

— Это...

Она не договорила.

Прямо перед ней молодой парень поднял руку. Вокруг его пальцев закружился ветер. Ева видела, как подол его мантии тянет в сторону, как у соседки с плеча срывает и уносит прядь. Ни пыли, ни техники здесь не было.

Магия.

У неё пересохло во рту. Она сглотнула, и в горле щёлкнуло.

Цезарь толкнул её плечом — коротко, будто напоминал, что дышать всё ещё нужно.

— Да, я тоже это вижу, — прошептала она.

Двор шумел, жил, пах мокрым камнем, дымом и чем-то кислым, как от перегретого металла. Над башнями висело фиолетовое небо, по стенам бежали тонкие золотые линии, и всё это было так обыденно, что у Евы заняло под ложечкой: она тут ничего не значила. Пока.

На другом конце двора грохнуло. Не сильно, но так, что у Евы заложило уши; в воздух поднялось облако пыли, и в нём запахло горячим камнем и палёной шерстью. Группа студентов рядом засмеялась, кто-то громко и без всякого сочувствия прокомментировал.

— Первый курс, — пояснил старик. — Они ещё не научились правильно рассчитывать силу.

— А если научатся?

— Тогда взрывы будут больше.

Ева посмотрела на него.

— Вы сейчас шутите?

— К сожалению, нет.

Она невольно рассмеялась. Первый раз с момента перехода — по-настоящему, до выдоха; напряжение, державшее её за плечи с самого леса, немного отпустило.

Ненадолго.

Потому что стоило ей сделать шаг во двор, как над воротами вспыхнул герб.

Сначала загорелся огонь — одна из четвертей круга налилась оранжевым и стала видна с любой точки, будто кто-то повернул лампу к стене. Потом загорелась вода.

Символы вокруг них начали вращаться.

Разговоры во дворе стихли — не сразу, а как стихает вода в трубе: по краям ещё журчит, а в середине уже ничего. Кто-то поднял голову. Кто-то указал на неё рукой и не убрал её, когда Ева посмотрела в ту сторону.

Десятки взглядов развернулись к ней.

— Что происходит?

Старик нахмурился.

— Я не знаю.

И это было первое, что прозвучало в его голосе по-настоящему: не спокойствие, а беспокойство.

Герб вспыхнул ярче. Огонь и вода одновременно — золотые линии на стенах отозвались светом, и по камню под ногами прошла мелкая, почти неосязаемая дрожь.

Цезарь поднял голову.

Над главным зданием раздался протяжный гул: низкий, длинный, будто где-то внутри замка проснулось что-то большое и двинулось по кирпичу. Один за другим зажглись защитные контуры — по карнизам, по краям крыш, по стыкам башен, ровно и быстро, как лампы в длинном коридоре.

Студенты начали отходить от площади. Без паники — их гнал не крик, а привычка; они собирали сумки, поднимали с земли книги, и всё это молча.

— Что это? — спросила Ева.

Но ответа не получила.

На верхней галерее главного корпуса появилась фигура.

Высокий мужчина в чёрной форме с золотой отделкой. Он стоял неподвижно, положив руки на каменные перила, и смотрел вниз.

Даже с такого расстояния Ева почувствовала его взгляд.

Холодный. Внимательный. Оценивающий.

На мгновение ей показалось, что вокруг стало жарче — как в комнате, где только что закрыли печь.

Он перевёл взгляд на герб.

Потом на Еву.

И задержал его на Цезаре — дольше, чем на всех остальных.

Ева не знала, кто это.

Цезарь знал.

Пёс медленно поднялся. Шерсть на его загривке снова встала дыбом, и от него пошло сухое тепло — Ева почувствовала его коленом, через ткань брюк.

Мужчина на галерее что-то коротко сказал стоявшему рядом преподавателю. Тот мгновенно исчез за дверью.

Через несколько секунд раздался приказ:

— Всем студентам покинуть центральный двор!

Гул голосов усилился, шаги ускорились. Кто-то побежал.

Ева почувствовала, как её ладонь сжалась в кулак. Она понятия не имела, что происходит, но одно понимала совершенно точно: её появление здесь не осталось незамеченным. И мужчина на галерее смотрел на неё так, словно ждал её гораздо дольше, чем она могла себе представить.

Цезарь встал рядом.

Ева машинально положила ладонь ему на спину — шерсть под пальцами была жёсткая и тёплая.

— Ты его знаешь?

Пёс не сводил взгляда с галереи.

Мужчина тоже продолжал смотреть на них.

А потом развернулся и ушёл.

— Отлично, — пробормотала Ева. — Уже кого-то раздражаю, даже не успев представиться.

Старик рядом с ней тяжело вздохнул — так, как вздыхают люди, у которых больше нет сил притворяться спокойными.

— Боюсь, госпожа Корнилова, вы ещё не понимаете, насколько сильно изменили сегодняшний день.

Ева резко повернула голову.

— Откуда вы знаете мою фамилию?

Но старика уже не было рядом.

Она оглянулась. В двух шагах — пусто. Пусто дальше, у самых ворот, и пусто вдоль стены, где он должен был стоять или идти, опираясь на трость. Ни следа, ни звука шагов, ни зелёного огонька.

Только открытые ворота, замершие в воздухе защитные символы и сотни любопытных взглядов, которые Ева чувствовала спиной.

Цезарь тихо фыркнул.

Ева посмотрела на него.

— Даже не начинай.

Он пошёл вперёд.

И Ева последовала за ним — в сторону главного корпуса Академии Этерии, по камню, на котором ещё дрожал свет от герба.

Канцелярия нашлась сразу — за поворотом от входа, за низкой дверью с медной табличкой, на которой мелкие знаки складывались в слово «Регистрация».

За дверью пахло бумагой, чернилами и воском. Комната была длинная, с двумя рядами шкафов до потолка и стойкой посередине; за стойкой сидела женщина лет пятидесяти в серой мантии и что-то писала металлическим пером, зажав его в кулаке, как карандаш.

Она подняла глаза.

Потом посмотрела на Цезаря — и перо остановилось.

— Вам?

— Мне, — сказала Ева. — Понимаю, что выгляжу не по форме. Собраться мне не дали.

— Откуда вы прибыли?

— С улицы.

Женщина посмотрела на неё долго.

— Кто вас направил?

— Никто. Пёс привёл.

Перо снова замерло. Потом женщина придвинула к себе большую книгу в тёмном переплёте, открыла её на последней странице и стала писать: коротко, ровно, без наклона. Ева, стоя напротив, читала строки вверх ногами — и опять поймала себя на том, что это не стоит ей никаких усилий.

«Прибыла. Вне расписания. Статус не определён.»

— Имя?

— Ева Корнилова.

Женщина записала. Ева заметила, как её рука на секунду остановилась, и не стала спрашивать, почему.

— Вас вызовут, — сказала женщина, закрывая книгу. — Пока можете находиться в жилом крыле. Покидать территорию Академии не разрешается.

— Хорошо. — Ева не двинулась с места. — И ещё один вопрос.

— Слушаю.

— У вас здесь что, списки?

Женщина подняла бровь.

— Списки чего?

— Всего. Люди, места, поступления. — Ева кивнула на шкафы. — У всего этого обычно есть книга.

— Есть.

— Можно посмотреть список adeptов?

Пауза вышла чуть длиннее, чем нужно. Потом женщина наклонилась, вытянула из нижнего ящика плоскую папку и положила её на стойку, но не развернула.

— Зачем?

— Профессиональная привычка. Я аудитор. Мне спокойнее, когда я знаю цифры.

Женщина посмотрела на неё, потом на папку — и всё-таки развернула.

Лист был разлинован, имена шли столбцом, аккуратно, чужим ровным почерком; напротив каждого — курс и стихия. Ева прошла по столбцу снизу вверх, потом сверху вниз и остановилась.

— Семьдесят два. — Что? — В списке семьдесят два adeпта. А мест? — Семьдесят четыре. Ева постучала пальцем по листу.

— Значит, у вас либо два свободных места, либо два человека, которых нет в списке. Женщина промолчала. — Но почему-то мне кажется, что вы не считаете их свободными.

— Или у вас бывают описки, — добавила Ева. — Такое случается. Обычно в одном месте. Редко — в двух.

— В этом списке не бывает описок. Его сверяют дважды в год.

— Тогда у вас занимают место, которого нет в списке, — сказала Ева. — И я бы на вашем месте давно спросила, кто.

Она сказала это ровно, без нажима — тем самым тоном, от которого свидетели в переговорах начинали сами доставать вторую папку. Женщина за стойкой сделала то, чего Ева не ждала: посмотрела на неё внимательно, потом на Цезаря, потом закрыла папку и убрала её в ящик.

Медное перо легло сверху.

— Я запишу это, — сказала она. — И передам.

— Кому?

— Туда, куда передают такие вопросы.

— Очень точный ответ.

— Единственный, который у меня есть.

Ева вздохнула и пошла к двери. На пороге она обернулась.

— Если спросят, кто задал вопрос, — Ева Корнилова.

— Спросят, — сказала женщина и снова взялась за перо.

Человек, которого Ева видела на галерее, к тому времени уже вернулся в свой кабинет — и знал о ней больше, чем она сама. Она ещё не знала, что он был её будущим главным врагом, самым опасным союзником и единственным мужчиной, рядом с которым её собственная магия однажды перестанет подчиняться разуму.

Сегодня ей предстояло узнать только его имя.

Элиран Вейн.

Глава 5. Первый разговор с ректором

Коридор главного корпуса оказался длиннее, чем выглядел снаружи.

Под ногами лежал тёмный камень, отполированный до мягкого блеска, по стенам тянулись тонкие золотистые линии и вспыхивали на секунду, когда мимо кто-нибудь проходил. В высоких окнах вместо стекла переливалась полупрозрачная дымка — чуть подрагивающая, как вода в плоской чаше, — а за ней висело фиолетовое небо с двумя лунами.

Ева шла за Цезарем и оставляла на камне мокрые следы. Тапочки хлюпали при каждом шаге, и в этой тишине звук был слышен отчётливее некуда. Она попробовала ступить на носки. Стало только смешнее.

Она приготовилась к взглядам. Женщина в домашнем свитере, с мокрыми волосами, в домашних тапочках на босу ногу, посреди Академии магии — на такую смотрят все, и она уже придумала, как будет на это отвечать.

Смотрели на пса.

Парень, что-то расписывавший приятелям, обернулся, увидел Цезаря и прижался к стене, не докончив фразы. Двое у окна замолчали. Преподаватель в длинной серой мантии шагнул в сторону — Ева заметила, как он машинально приподнял руку, будто отступал не от собаки, а от открытого огня.

— Приятно знать, что ты здесь знаменитость, — сказала Ева вполголоса.

Цезарь шёл, не поворачивая головы.

— Хотя мог бы предупредить заранее. Я бы хоть причесалась.

Пёс вздохнул — коротко, в нос, — и от этого Еве стало спокойнее, чем от всего, что она видела за последний час.

Она отсчитала повороты: один, второй, лестница в глубине. Дорога назад ей понадобится, в этом она не сомневалась.

Цезарь остановился у широкой лестницы.

Ева едва не налетела на него.

— Что?

Пёс смотрел вверх.

На площадке стоял тот самый мужчина, которого она видела с галереи. Теперь он был гораздо ближе, и она наконец смогла рассмотреть его как следует.

Высокий — настолько, что рядом с ним даже те, кто в коридоре казался ей крупным, становились ниже на голову. Светлые волосы коротко подстрижены, несколько прядей небрежно падали на лоб. Тёмно-синяя форма с золотой вышивкой — та самая, что с галереи показалась ей чёрной, — сидела без единой складки, и вся его неподвижность была такой, что хотелось проверить, дышит ли человек.

Красивый. Раздражающе правильно красивый — так, что это уже не располагает, а насто-
раживает.

Но интереснее всего были глаза.

Серо-голубые. Холодные. Внимательные.

Он смотрел на неё так, будто не видел, а читал. Сначала лицо. Потом руки. Потом одежду. Потом Цезаря. Потом снова лицо.

Ева почувствовала, что раздражается.

— Если он ещё немного посмотрит на меня как на товар на витрине, я начну брать плату за осмотр.

Цезарь тихо фыркнул.

Мужчина услышал — это было видно по тому, как дёрнулась бровь. Он спустился на несколько ступеней.

— Оставьте нас.

Ева оглянулась. Несколько преподавателей, стоявших в отдалении, разошлись молча и быстро, будто в конце коридора повернули выключатель.

— Это сейчас мне сказали? — уточнила Ева.

— Да.

— Тогда уточню иначе. Вы кто?

На несколько секунд повисла тишина. Он продолжал смотреть на неё.

— Элиран Вейн.

Имя прозвучало ровно, без должности — так, будто одного имени должно было хватить.

Ева ждала продолжения. Не дождалась.

— И?

В его глазах мелькнуло что-то похожее на раздражение.

— Ректор Академии Этерии.

— А.

Она оглядела огромный коридор, притихших студентов у стен, камень, светящийся под ногами.

— Тогда понятно, почему все так быстро разбегаются.

— Они разбегаются не из-за меня.

Ева посмотрела на Цезаря.

— Из-за него?

— Из-за вас.

Это прозвучало настолько серьёзно, что Еве стало не до шуток.

Вейн спустился ещё на ступень.

— Как вы сюда попали?

— Если бы я знала, мы бы сейчас не разговаривали.

— Вы пришли через переход?

— Наверное.

— Кто его открыл?

— Я не знаю.

— Какой артефакт использовали?

— Никакой.

— Кто вас сопровождал?

Ева посмотрела на Цезаря.

— Вот он.

Вейн перевёл взгляд на пса.

И его лицо изменилось. Совсем немного — взгляд стал жёстче, — но Ева успела это увидеть. Цезарь ответил ему тем же. Между ними словно натянулась невидимая нить, и она почувствовала её почти физически: воздух в коридоре стал плотнее.

— Вы знакомы? — спросила она.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Врёте.

Вейн медленно перевёл на неё взгляд.

— Осторожнее.

— С чем?

— С выводами.

— Я аудитор. Это моя работа.

— А теперь вы в мире, где ваши навыки вряд ли помогут.

Ева скрестила руки на груди.

— Вы удивитесь.

В его глазах снова мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Возможно.

Он подошёл ближе. Теперь между ними оставалось несколько шагов, и на этом расстоянии ей стало теплее: тепло шло не от стен и не от окон — оно шло от него, сухое, ровное, как от печи, которую закрыли час назад. Ева невольно посмотрела на его руки. Перчаток на них не было, но воздух вокруг пальцев дрожал, едва заметно, как над горячим камнем.

— У вас магия Огня, — сказала она.

Вейн замер.

— Кто вам это сказал?

— Никто. Я догадалась.

— На каком основании?

— Вы выглядите так, будто привыкли, что всё вокруг вас должно гореть.

В коридоре стало очень тихо. Цезарь низко заворчал — негромко, скорее для порядка.

Вейн смотрел на неё несколько секунд. А потом едва заметно усмехнулся.

— Вы невыносимы.

— Мне часто это говорят.

— И никто не уточнял, что с этим можно что-то сделать?

— Обычно на этом месте мы уже расходились.

— Я бы тоже разошёлся. — Он не двинулся с места. — Но не могу: вы стоите в моей Академии.

— В вашей?

— В моей. Вы действительно не понимаете, с кем разговариваете.

— Пока нет.

— Я ректор.

— Это я уже слышала. — Ева оглядела его без всякого стеснения. — И, честно говоря, не самого очевидного возраста.

Уголок его губ дрогнул — на волос, не больше.

— Двадцать восемь.

— Я не спрашивала.

— Собирались.

— Собиралась, — согласилась Ева. — И что, в двадцать восемь уже ректор?

— Четвёртый год. И самый молодой ректор за всю историю Академии. — Пауза вышла длиннее, чем требовалась. — Это была не моя заслуга.

Она не успела спросить, что это значит: он уже заговорил дальше — ровно и сухо, как читают протокол.

— Я человек, который отвечает за безопасность этой Академии.

— Тогда, наверное, вы знаете, как отправить меня домой.

Усмешка исчезла.

— Нет.

Одно слово. У Евы внутри всё сжалось — она ждала именно этого ответа, готовилась к нему всю дорогу, но надежда всё равно сидела где-то под рёбрами и не желала уходить.

— Совсем?

— Пока нет.

— Что значит «пока»?

Вейн отвернулся и пошёл к двери в конце коридора.

— Значит, что вы останетесь здесь.

Ева не двинулась с места.

— Простите?

Он остановился.

— Вы прибыли в Академию неизвестным способом. Ваше появление активировало защитные контуры. Вы связаны с существом, которое не должно находиться в этом мире. И вы утверждаете, что ничего не знаете о происходящем.

— Потому что я действительно ничего не знаю!

Вейн посмотрел на неё через плечо.

— Вот это и предстоит выяснить.

Он открыл дверь.

— Войдите.

Ева осталась стоять.

— А если я не хочу?

— Тогда мы продолжим этот разговор здесь.

Она посмотрела вдоль коридора. Десятки любопытных глаз делали вид, что никто ничего не слушает, и делали это на удивление плохо.

— Вы специально это делаете?

— Что именно?

— Давите.

— Да.

Ответ был настолько честным, что Ева на секунду растерялась.

Вейн чуть приподнял бровь.

— Войдёте?

Она вздохнула.

— Ладно.

Ева переступила порог. Цезарь пошёл следом.

— Он пойдёт со мной, — сказала она.

Вейн бросил на пса короткий взгляд.

— Разумеется.

— Даже не пытались спорить?

— Не настолько глуп.

Ева впервые за весь разговор посмотрела на него с некоторым уважением.

— Разумный человек.

— Не спешите с выводами.

Дверь закрылась.

Кабинет ректора оказался совсем не таким, каким она его представляла. Ни горы бумаг, ни пыльных книг, ни тяжёлых бархатных кресел. Строгое, почти пустое пространство; огромное окно занимало половину стены, и за ним лежала Академия, а дальше — город с мостами и светящимися сферами вдоль улиц. На столе — несколько папок, металлическая чаша с чем-то похожим на чёрный песок, старинный каменный артефакт. В кабинете было теплее, чем в коридоре, и камина здесь не было.

Ева отметила это отдельно — привычка, от которой она не избавилась даже здесь.

Она отметила и другое: у самого края стола лежал сероватый лист, отдельно от папок, как кладут то, что прочитали только что. С её места он читался вверх ногами — и прочитался без усилий, снова как вывеска на своей улице.

«Прибывшая вне расписания. Корнилова. Спрашивала список адептов. Семьдесят два при семидесяти четырёх местах».

Вейн заметил, куда она смотрит, и накрыл лист ладонью. Слишком быстро.

Ева не сказала ничего.

На дальней стене висели портреты бывших ректоров.

И среди них она увидела знакомые черты. Очень знакомые: та же линия носа, тот же разворот плеч, только мягче.

Ева подошла ближе.

— Это ваша семья?

Вейн молча смотрел на неё.

— Один из них, — наконец ответил он.

— Отец?

— Нет.

— Дед?

— Нет.

Она повернулась к нему.

— Тогда кто?

Вейн выдержал её взгляд.

— Мой брат.

В его голосе появилось напряжение. Не злость — что-то другое, глухое, и он не назвал имени. Ева ждала, что он скажет ещё хотя бы слово, но он уже отвернулся.

— Садитесь.

Она села напротив стола. Цезарь лёг рядом, вытянув лапы, и сразу закрыл глаза — как будто решил, что с этого места ему будет лучше видно.

Вейн занял своё место. Несколько секунд они молчали.

Ева кивнула на стол.

— А что в той бумаге?

— В какой?

— В той, которую вы накрыли ладонью.

Пауза.

— Записка канцелярии.

— Обо мне.

— Да.

— И что там написано?

Вейн посмотрел на неё без всякого выражения.

— Что вы аудитор, что вы задаёте много вопросов и что вас нет ни в одной книге.

— Всё правда, кроме последнего.

— Последнее — самое важное.

Он достал чистый лист.

— Начнём сначала.

— Хорошо.

— Имя?

— Ева Корнилова.

— Возраст?

— Двадцать пять.

— Место рождения?

Ева назвала свой город. Он записал, не поднимая глаз и ни на чём не задержавшись: название для него ничего не значило.

— Родители?

— Живут там же.

Перо остановилось. На листе расплылась маленькая чернильная точка.

— Оба?

— Да.

Он поднял глаза. На этот раз взгляд был совсем другим — слишком внимательным.

— Вы уверены?

— Я знаю, что мои родители живы, — сказала Ева.

— Хорошо.

Он сделал запись. Ещё одну точку в конце строки. Ей вдруг показалось, что вопрос про родителей он держал наготове с самого начала, а остальные задавал, чтобы добраться до него.

— Какими стихиями вы владеете?

Ева моргнула.

— Никакими.

— Вы уверены?

— Я не умею колдовать.

— До сегодняшнего дня вы знали о существовании Этерии?

— Нет.

— О магии?

— Нет.

— О Цезаре?

Она посмотрела на пса. Тот лежал с закрытыми глазами и дышал ровно, как собака, которой эта беседа давно надоела. На слове «Цезарь» он открыл один глаз — и тут же закрыл.

— В смысле?

— Вы считали его обычным животным?

Ева медленно повернулась к Вейну.

— А он не обычный?

Вейн ничего не ответил. Перо в его руке замерло над листом, и она увидела, как воздух над его пальцами снова дрогнул — на этот раз отчётливее, чем в коридоре.

И тогда она поняла. Он знает. Знает о Цезаре. Знает о её появлении. И, возможно, гораздо больше о ней самой, чем собирается сказать.

Она наклонилась вперёд, упёршись локтями в край стола.

— Теперь моя очередь.

Вейн чуть приподнял бровь.

— Спрашивайте.

— Где я?

— Этерия.

— Почему я здесь?

— Не знаю.

— Кто такой Цезарь?

Пауза.

— Не знаю.

— Почему вы смотрели на него так, будто видели раньше?

Ещё одна пауза. На этот раз дольше.

— Я сказал, что не знаю.

Ева внимательно посмотрела ему в глаза. Он не отвёл взгляда — и именно поэтому она поняла: он врёт. Не целиком. Но врёт.

Ева задавала вопросы в том порядке, в каком их задают, когда не ждут честного ответа, а проверяют, где собеседник начнёт поправлять. Он не поправлял нигде.

Его взгляд на секунду спустился ниже её лица — к запястью, на котором поверх рукава темнела намотанная цепочка. Он не спросил. Она заметила, что он не спросил, и отметила это в той же колонке, где держала два места и семьдесят два имени.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросила она.

— Пока — наблюдать.

— А потом?

— Потом будет видно.

— Обнадёживает.

— Я не обещал обнадёживать.

— Хорошо, — сказала она спокойно. — Тогда последний вопрос.

Вейн ждал.

— Почему у меня ощущение, что вы ждали моего появления?

На несколько секунд в кабинете стало абсолютно тихо. Даже Цезарь открыл глаза.

Вейн медленно положил перо на стол.

И впервые за весь разговор с его лица исчезла холодная уверенность. Осталось то, что он слишком хорошо умел скрывать, — настороженность.

— Потому что, — произнёс он тихо, — я действительно вас ждал.

Ева замерла.

А Вейн понял, что сказал больше, чем собирался.

Глава 6. «Вы дефектная»

Ева несколько секунд просто смотрела на Вейна.

Она ждала чего угодно: очередного уклончивого ответа, холодного приказа, даже магического объяснения. Только не этого.

В кабинете было теплее, чем в коридоре, хотя от окна тянуло холодом, и в воздухе стоял сухой запах — пыль, нагретый металл и что-то ещё, от чего хотелось пить.

— Ждали именно меня? — переспросила она.

— Да.

— Откуда вы знали, что я приду?

Вейн не ответил сразу. Взгляд ушёл к окну, за которым медленно кружились светящиеся частицы, мелкие, как пыль в луче. Снаружи доносился приглушённый шум Академии — шаги, далёкий колокол, ровный гул контура под полом, — но здесь, в кабинете, было так тихо, что Ева слышала собственное дыхание и то, как её свитер, всё ещё сырой после перехода, шуршит при каждом вдохе.

— Я знал, что однажды переход откроется.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Ева усмехнулась.

— У вас удивительная способность отвечать на вопросы так, чтобы вопросов становилось ещё больше.

— Вы быстро учитесь.

— Работа такая.

— Аудитор.

Она нахмурилась.

— Вы запомнили?

— Я ничего не забываю.

От этой фразы по спине прошёл холодок. Ева откинулась на спинку кресла и сложила руки на груди: под пальцами свитер был влажным и холодным, а кожа под ним — тёплой.

— Хорошо. Допустим, вы действительно меня ждали. Что теперь?

— Теперь я должен понять, кто именно пришёл через переход.

— Я вам уже сказала своё имя.

— Имя — не ответ.

Вейн поднялся. Кресло за ним отъехало по камню с коротким скребущим звуком. Он сделал несколько шагов к окну, остановился и посмотрел на город — на мосты, на светящиеся сферы вдоль улиц, на ровную полосу фиолетового неба.

— Вы появились в момент, когда защитный контур Академии зафиксировал всплеск неизвестной магии. Сам переход не должен был открыться. Он не открывался больше двадцати лет.

Ева медленно выпрямилась.

— А я открыла?

— Не знаю.

— Но вы подозреваете.

Вейн повернулся к ней. От него шло тепло — ровное, сухое, — и на расстоянии двух шагов она чувствовала его отчётливее, чем сквозняк от окна.

— Я подозреваю слишком многое.

— Например?

Он посмотрел на Цезаря.

Пёс поднял голову. Шерсть на загривке встала дыбом — не угрожающе, а так, как поднимается у собаки, которая решила больше не спать.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Например, что ваш спутник вовсе не собака.

Ева почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось. Несмотря на всё, что произошло за последние сутки, эта фраза всё равно задела её сильнее, чем должна была.

— Для меня он именно собака.

— Для вас — возможно.

— Он со мной семь лет.

— Я знаю.

Ева резко подняла взгляд.

— Откуда?

Вейн не ответил. На его лице не дрогнуло ничего — только пальцы правой руки медленно сжались в кулак и разжались.

Она уже собиралась надавить, но в этот момент Цезарь поднялся.

Медленно.

Настороженно.

Когти цокнули по камню — раз, другой. Ева сразу замолчала.

Пёс подошёл к ней и встал рядом, почти касаясь её ноги боком. От него шло знакомое, кухонное тепло, и шерсть пахла пылью и нагретым мехом.

Вейн наблюдал за ним.

— Он вас защищает, — сказал он.

— Да.

— От кого?

— Обычно от тех, кто слишком много задаёт вопросов.

Вейн едва заметно усмехнулся; уголок рта поднялся и вернулся на место быстрее, чем Ева успела решить, было ли это вообще.

— Тогда у него будет много работы.

Ева хотела ответить, но в этот момент в дверь постучали — два раза, коротко, как стучат люди, которым всегда открывают.

Не дожидаясь разрешения, внутрь вошла женщина лет сорока с тёмными волосами, собранными на затылке. Тёмная мантия с серебряной вышивкой, тонкая папка под локтем, запах холодной бумаги, который принёс с собой сквозняк из коридора.

— Ректор, защитный контур стабилизировался. Но...

Она увидела Еву и замолчала. Потом её взгляд сполз ниже, к псу, и остановился.

Лицо женщины побледнело так быстро, что на шее проступили мелкие жилки.

— Невозможно...

Вейн резко посмотрел на неё.

— Госпожа Риан, выйдите.

— Но, ректор...

— Сейчас.

Женщина кивнула, однако перед тем как закрыть дверь, ещё раз посмотрела на Цезаря. Ева заметила, как её рука на дверной ручке побелела в костяшках.

Она это заметила. И запомнила.

Она уже собиралась спросить, но Вейн заговорил первым:

— Нам нужно проверить вашу магическую структуру.

— Моё что?

— Магическую структуру.

— У меня нет магии.

— Именно это мы и проверим.

Он подошёл к столу и взял небольшой прозрачный камень. Света в кабинете будто стало меньше: кристалл собирал его из воздуха.

Камень был похож на кусок льда, внутри которого плавал крошечный золотистый огонёк.

— Что это?

— Диагностический кристалл.

— Он безопасный?

— Да.

Ева посмотрела на него с подозрением.

— Вы сказали это слишком быстро.

— Потому что это безопасно.

— Все опасные вещи обычно так и рекламируют.

Вейн протянул кристалл.

— Возьмите.

Ева взяла. Камень оказался тёплым — приятно тёплым, как галька с пляжа, — и это раздражало сильнее, чем если бы он был ледяным.

Ничего не произошло. Кристалл остался прозрачным.

Вейн нахмурился.

— Сожмите его.

Она послушалась. Ладонь ощутила гладкие грани, вошли в кожу углами.

Сначала ничего.

Потом внутри кристалла вспыхнул огонь.

Ева вздрогнула: свет ударил по глазам и отбросил на стол золотые пятна. Огонь быстро разгорелся, прошёл по внутренним граням золотыми линиями, а затем внезапно погас.

Вейн забрал кристалл. Его пальцы на секунду коснулись её пальцев — горячие, слишком горячие, — и Ева отдернула руку раньше, чем успела это осознать.

— Ещё раз.

— Зачем?

— Потому что я хочу убедиться.

— Вы сейчас очень напоминаете человека, который надеется, что прибор покажет другой результат.

— Возможно.

Ева снова взяла кристалл.

На этот раз он вспыхнул почти мгновенно.

Но огонь был странным.

Он не просто светился. Он двигался — сначала тонкой нитью прошёл по пальцам Евы, живой и тёплой, потом разгорелся внутри кристалла и неожиданно сменился холодным голубым светом.

Вейн замер.

Ева почувствовала, как кристалл становится ледяным — уже по-настоящему, до ломоты в костяшках. Цепочка на запястье потеплела, будто ей ответили.

— Что происходит?

Внутри прозрачного камня одновременно вспыхнули два цвета.

Золотой.

И синий.

Они столкнулись, как две струи, которые не смешиваются, а бьются друг о друга, и в тишине кабинета что-то щёлкнуло.

Кристалл треснул.

Ева отдернула руку. Осколки посыпались на стол и зазвенели по столешнице; один прокатился до края и остановился.

Тишина стала почти звенящей.

Вейн смотрел на разбитый кристалл. Потом на её ладонь — ни следа, ни пятна, только влажный блеск от ледяного камня.

— Что? — спросила Ева.

Он поднял глаза.

И впервые за всё время она увидела на его лице настоящий шок.

Не страх.

Не удивление.

Именно шок — так, как его видно, когда человеку нечем себя прикрыть.

— Это невозможно.

— Что именно?

Вейн не ответил.

Он подошёл к ней — слишком близко, так что сухой жар от него перебил холод окна, — и сказал:

— Дайте руку.

— Зачем?

— Ева.

Это был первый раз, когда он произнёс её имя без фамилии, без холодной официально-сти.

И от этого простого слова у неё сильнее забилося сердце — глухо, в ушах.

Она протянула ладонь.

Вейн осторожно взял её за запястье. Его пальцы были горячими. Слишком горячими. Ева вздрогнула: кожу под его пальцами сначала обожгло, потом тепло пошло глубже и поднялось вверх, к локтю, оставляя за собой лёгкую дрожь.

Он тоже это почувствовал. Его рука на секунду напряглась.

И на мгновение их взгляды встретились.

Серо-голубые глаза Вейна смотрели прямо на неё, и Ева вдруг забыла, что собиралась сказать.

Между ними было всего несколько сантиметров.

Его рука всё ещё лежала на её запястье.

Тепло от его пальцев распространялось выше, а под кожей будто отзывалось что-то странное — едва уловимое, почти похожее на вибрацию.

Цезарь тихо зарычал.

Звук пошёл не от пасти, а как будто из-под пола — низкий, ровный, и в металлической чаше на столе дрогнула поверхность чёрного песка.

Вейн тут же отпустил её.

Ева сделала шаг назад.

— Что это было?

— Ничего.

— Вы опять врёте.

— Я пытаюсь понять.

Он посмотрел на её руку.

На коже не осталось никаких следов.

Но в его взгляде появилась настороженность — та, которую он уже не пытался спрятать.

Вейн подошёл к столу и поднял осколок кристалла. Внутри осколка что-то ещё тлело.

— Огонь и вода.

Ева нахмурилась.

— Что?

— В вас одновременно откликаются две стихии.

Ева несколько секунд молчала.

Потом рассмеялась.

Нервно, почти недоверчиво.

— Нет.

— Да.

— Вы только что сказали, что это невозможно.

— Именно.

— Тогда как это может быть?

Вейн посмотрел ей прямо в глаза.

— Не может.

Ева перестала улыбаться.

— Но вы сами это увидели.

— Увидел.

— Тогда объясните.

Он молчал.

И в этом молчании Ева впервые почувствовала не раздражение, а что-то гораздо хуже.

Страх.

Не за себя. За то, что правда действительно существует. И что она может оказаться совсем не такой, какой Ева представляла свою жизнь.

Вейн медленно положил осколок на стол; стекло щёлкнуло о дерево.

— В Этерии существует четыре основные носимые стихии: Огонь, Вода, Воздух и Земля. Обычно человек рождается с одной. Иногда встречаются носители двух совместимых стихий.

— А несовместимых?

Он посмотрел на неё.

— Таких не бывает.

— Но я сижу здесь.

— Именно поэтому у меня проблема.

Ева подняла подбородок.

— Я не проблема.

Вейн задержал на ней взгляд.

— Пока я не знаю, кто вы.

— Я уже сказала.

— Вы говорите о девушке, которая выросла в другом мире и никогда не знала о магии. Но кристалл показывает сразу две стихии. Переход открылся именно при вашем появлении. Защитная система Академии отреагировала на вас. А рядом с вами находится существо, которое я не видел много лет.

Ева почувствовала, как внутри закипает злость — горячая, поднимающаяся откуда-то из-под рёбер.

— И поэтому вы решили объявить меня опасной?

— Я ничего не объявлял.

— Вы смотрите на меня именно так.

Вейн промолчал.

Ева поднялась.

— Я не просила сюда попадать.

— Знаю.

— Я не знаю, почему здесь оказалась.

— Знаю.

— Я хочу вернуться домой.

Вейн посмотрел на неё. За его спиной в окне гасли светящиеся частицы: день в Этерии кончался не постепенно, а разом, сразу за стеклом.

— Я тоже хочу знать, как вас вернуть.

Ева замерла.

Это прозвучало неожиданно искренне.

Но Вейн тут же вернул лицу привычное холодное выражение.

— До тех пор вы останетесь в Академии.

— В качестве кого?

— Адепта.

— Что?

— Студента Академии.

— Я в двадцать пять лет должна пойти учиться магии?

— Судя по всему, да.

Ева закрыла глаза и медленно выдохнула.

— Это худший день в моей жизни.

Цезарь тихо фыркнул — шумно, в нос, как фыркают собаки, которым смешно.

— Не соглашайся, — сказала Ева ему. — Ты видел предыдущие.

Вейн едва заметно усмехнулся.

Но затем его лицо снова стало серьёзным. Он посмотрел на неё и произнёс:

— И ещё одно.

— Что?

— До выяснения обстоятельств никому не рассказывайте о двух стихиях.

Ева нахмурилась.

— Почему?

— Потому что здесь есть люди, которые испугаются.

— А вы?

Вейн посмотрел на неё слишком долго.

— Я уже испугался.

Ева не ожидала услышать это.

Он отвернулся к окну. И только тогда добавил:

— Вы дефектная.

Слово прозвучало спокойно. Почти безэмоционально.

Но Ева почувствовала, как внутри всё обожгло — не злостью, а чем-то холодным и быстрым. Она медленно посмотрела на него.

— Что?

Вейн не повернулся.

— Так называют тех, чья магическая структура не соответствует ни одному известному типу.

Ева несколько секунд молчала.

Потом усмехнулась.

— Ну надо же. Всю жизнь думала, что у меня просто сложный характер.

Вейн посмотрел на неё.

— Это я тоже уже заметил.

Ева направилась к двери. Тапочки стучали по камню глухо — слишком легко для всего, что здесь было сказано.

Но она остановилась, когда услышала его голос:

— Ева.

Она обернулась.

Вейн стоял у окна, и свет Этерии падал на его лицо — не золотой, а тусклый, сиреневый.
— Не пытайтесь самостоятельно выяснить, кто вы.

— Почему?

Он ответил не сразу.

— Потому что некоторые люди очень не любят, когда прошлое возвращается.

Ева ничего не сказала. Она вышла из кабинета.

Цезарь последовал за ней — она слышала за спиной его дыхание и тяжёлые шаги.

Дверь закрылась.

В кабинете стало тихо.

Вейн остался один.

Он постоял у окна, слушая, как затихают в коридоре шаги — тяжёлые, собачьи, и лёгкие, шаркающие, в мокрых тапочках. Шаги были слышны дольше, чем он ожидал: женщина шла, не торопясь, и, кажется, ещё раз обернулась на дверь.

Потом он опустил взгляд на разбитый кристалл. Золотой и синий свет всё ещё мерцали внутри осколков — слабо, как остывающие угли.

Вейн взял один осколок и поднёс к свету.

Две стихии. В одном человеке. Не рядом и не по очереди, а одновременно, в одной структуре, там, где по всем известным правилам может быть только одна линия. Он знал, что это значит. И знал, что главного он не знает.

Он медленно сжал пальцы. Осколок впился в ладонь, и Вейн разжал руку.

Двадцать восемь лет. Четвёртый год в этой должности. Он занял её не потому, что был готов, а потому, что после смерти брата её больше никому было занять.

Об этом он не думал. Об этом он запретил себе думать давно, и запрет держался.

Вместо этого он посмотрел на стол.

Кристалл треснул не по её вине. Диагностический камень не выдерживает того, чего не выдерживает мир.

В нижнем ящике стола, под отчётами и старыми ведомостями, лежала тонкая сероватая папка. Вейн открыл ящик, посмотрел на неё и не достал. Он и без папки помнил, что в ней.

Потом взял со стола записку канцелярии и перечитал: «Семьдесят два при семидесяти четырёх местах».

Он давно знал про эти два места. Знал и не трогал — потому что у каждого, кто начинал их считать, немедленно находились дела важнее. Вейн сложил записку вчетверо и убрал в ящик, к папке.

За окном гасли последние светящиеся частицы. Город под защитным куполом зажигал ровные линии огней: сначала вдоль мостов, потом по улицам, потом на шпилях. Академия под ним стояла тихо — как стоят крепости, которые ещё не знают, что их будут осаждать.

Семьдесят два адепта, каждого из которых он знал по имени. Преподаватели. Контур, который держится на честном слове и старом камне. Совет, который спрашивает редко, но метко. И девушка с двумя стихиями — существо, которого не должно быть, — в гостевом крыле, в мокрых тапочках, рядом с псом, которого он не должен был увидеть никогда.

Ева Корнилова пришла сама. Это было хуже всего.

У него не было права ошибиться. Не потому, что он ректор и не потому, что ему не простят: право было бы, если бы ценой ошибки была должность. Цена была другой.

Если он ошибается, погибает Академия. Камни, четыре шпиля, семьдесят два имени и старое дело, которое он столько лет аккуратно не открывал до конца.

Вейн снова посмотрел на портрет на стене — туда, где висело лицо, слишком похожее на его собственное. Привычный ответ на вопрос, откуда он знает, чем заканчиваются благие решения.

Он отвернулся и погасил свет над столом.

И впервые за много лет позволил себе вспомнить имя, которое должен был забыть.
Алина Корнилова — мать Евы.

Глава 7. Первое проявление Огня

Дверь кабинета закрылась за спиной, и Ева осталась в коридоре одна — если считать одиночеством общество пса размером с телёнка.

Свет здесь уже сменился. Днём золотистые линии под камнем горели ровно и ярко, а теперь тлели, как остывающие угли, и от этого стены казались выше, а коридор длиннее. За окнами дымка потемнела до синевы. Далеко, в другом конце здания, прозвенел колокол и оборвался на середине.

Ева постояла, слушая, как стучит в ушах собственная кровь. Потом выдохнула и сказала вслух:

— Дефектная.

Слово прозвучало глупо и тихо. Легче не стало.

Цезарь сел рядом, и от его бока пошло привычное тепло — кухонное, домашнее, к Этерии никакого отношения не имеющее.

— Даже не спрашивай, — сказала ему Ева. — Я сама пока не знаю, что делать.

Пёс вздохнул в нос: мол, знаю, что не знаешь. От этого вздоха ей стало спокойнее, чем от всего, что ей говорили в кабинете за последний час.

Она пошла в ту сторону, откуда её привели. Цезарь двинулся рядом, не оглядываясь: он шёл так, будто дорога была согласована заранее.

За поворотом их ждали.

Магистр Риан стояла у лестницы, держа папку под локтем, и Ева поняла, что та стоит здесь уже давно, — по тому, как ровно лежали руки и как неестественно прямо была развёрнута к ним фигура. Увидев Цезаря, Риан чуть сместилась в сторону, освобождая им половину прохода. Движение было маленькое, почти вежливое. Ева его заметила.

— Госпожа Корнилова?

— Можно просто Ева. За сегодня «госпожа» я услышала больше, чем за всю жизнь.

— Магистр Риан, — представилась женщина. — Ректор распорядился разместить вас в гостевом крыле. Сегодня вы можете отдохнуть. Завтра начнутся занятия.

— Уже завтра?

— Академия не любит терять время.

— Я тоже раньше не любила. — Ева вздохнула. — Теперь начинаю сомневаться в своих приоритетах.

Риан улыбнулась — коротко, краем рта, — и пошла вперёд, указывая дорогу. Папка под её локтем пахла холодной бумагой.

— Где Цезарь будет жить? — спросила Ева.

— С вами.

— Спасибо.

— Но я должна предупредить: в большинстве учебных помещений животным находиться запрещено.

Цезарь остановился. Риан бросила на него взгляд и, помолчав, добавила:

— Впрочем, я подозреваю, что именно с ним спорить будет сложнее всего.

— Очень правильное подозрение.

Они прошли два пролёта и ещё один коридор — уже жилой, с дверями по обе стороны. Здесь пахло пылью, воском и чем-то вроде нагретого дерева. Ева считала повороты и двери, как считала всегда: один поворот, второй, лестница наверх, потом налево. Дорога отсюда ей понадобится, в этом она не сомневалась.

— Магистр Риан, — сказала она на ходу.

— Да?

— Вы его знаете?

Риан не сбилась с шага. Ответила ровно, глядя перед собой:

— Кого?

— Пса.

Женщина молчала до самой двери. У двери она остановилась, повернула ключ в замке и сказала:

— В Академии не любят больших собак. Это всё, что вам нужно знать.

— Я не спрашивала, что мне нужно знать.

Риан посмотрела на неё. У неё были усталые глаза и очень аккуратно собранные волосы, и на секунду в её лице мелькнуло что-то, что Ева приняла бы за страх, если бы не знала, что бояться здесь нечего.

— В кабинете, — сказала Ева, — вы побледнели. Я это видела.

— Вам показалось.

— Мне редко кажется. Это профессиональное.

— Тогда отдохните, — сказала Риан и открыла дверь. — Профессии здесь тоже отдыхают.

Комната оказалась маленькой, но настоящей: узкая кровать, стол, шкаф, зеркало в тёмной раме, окно с дымкой вместо стекла. На кровати лежала сложенная одежда.

Ева подошла и развернула её.

Тёмные брюки. Белая рубашка. Короткая куртка глубокого синего цвета с золотой эмблемой на груди — и длинная тёмная мантия, тяжёлая на подкладке.

— Это форма?

— Да.

— А если я не хочу?

— Тогда Вейн пришлёт вам официальное распоряжение, — сказала Риан. — И вы его наденете.

Ева взяла куртку и приложила к себе. Ткань была плотная, новая, с запахом краски.

— Ладно. Убедили.

— И ещё. — Риан положила папку на стол, у самой кровати, и уже от двери добавила: — Сегодня не выходите за пределы Академии.

— Почему?

— После перехода ваша магическая структура нестабильна.

— Но я вроде ничего не умею.

— Именно поэтому.

Ева посмотрела на неё внимательнее.

— Скажите честно. Насколько всё плохо?

Риан помолчала. За окном гасли светящиеся частицы; в коридоре кто-то прошёл, и линия под камнем вспыхнула и снова погасла.

— Пока мы не знаем.

— Прекрасный ответ.

— Я серьёзно. У вас действительно две стихии. — Она выдержала паузу. — Но вашего огня мы ещё не видели.

— Что это значит?

— Это значит, что он нас ещё не видел, — сказала Риан и закрыла дверь.

Ева осталась одна. Почти.

Цезарь обошёл комнату по кругу, обнюхал угол, стол, подоконник, после чего улёгся у кровати и вытянул лапы.

— Значит, завтра занятия, — сказала ему Ева.

Пёс закрыл глаза.

— Ты мог бы хотя бы сделать вид, что переживаешь.

Цезарь не шевельнулся.

Она стянула свитер — сырой, холодный, с запахом чужого леса и чужого дождя, — умылась над тазом и натянула рубашку с брюками. Форма села неожиданно хорошо, будто её шили по мерке, а не выдавали наугад.

У зеркала Ева задержалась. С цепочкой пришлось повозиться: та ещё с перехода была намотана на запястье, врезалась в кожу, и металл под пальцами никак не хотел остывать. Она расстегнула звено, перекинула цепочку через голову и заправила пластинку под воротник. Пластинка легла на грудь, под рубашку, — неожиданно привычно, как вещь, которую носишь годами.

От зеркала смотрела совершенно обычная женщина: тёмные волосы, усталое лицо, тени под глазами, тёплая точка металла под воротником. Ни знаков, ни огня, ни воды. Ничего, что объяснило бы, почему она здесь стоит.

Ева коснулась ладонью стекла.

— Я не дефектная, — сказала она тихо.

Цезарь поднял голову.

— Правда ведь?

Пёс смотрел на её руку.

И тогда Ева увидела это. На кончиках её пальцев — на самом краю ногтя — вспыхнула крошечная золотистая искра. Она держалась меньше секунды, сорвалась и погасла в воздухе, не оставив ни дыма, ни запаха.

Ева моргнула.

— Ты видел?

Цезарь поднялся, подошёл, ткнулся носом ей в ладонь. Нос у него был горячий.

Ева снова посмотрела на руку. Кожа как кожа, ни следа.

— Ладно, — сказала она. — Наверное, показалось.

Спокойно это не прозвучало.

Ночь вышла скверной. Ева просыпалась трижды, и каждый раз от одного и того же: от жара.

Сначала она решила, что виновато одеяло. Сбросила его, повернулась к стене — и через несколько минут поняла, что жар не снаружи. Он шёл изнутри, из-под кожи, ровной волной от груди к рукам, и от него ломило в костяшках, как от температуры.

Она села.

В комнате было душно так, что на спине выступила испарина. А за окном шёл снег.

Ева смотрела на него и не сразу поняла, что здесь не так. Только днём она стояла в этом городе без куртки, и улицы дышали тёплой пылью. Снег в Этерии не шёл.

Он падал медленно, крупными хлопьями, и таял на дымке окна, не долетая до стены.

Цезарь стоял у подоконника.

Ева подошла и увидела изнутри, на дымке, тонкий узор инея: он разрастался от углов, тянул ветви к середине, будто по стеклу шла трещина наоборот.

— Это я? — спросила она.

Пёс посмотрел на неё.

Ева протянула руку и коснулась того места, где иней был гуще. Ледяная корка исчезла.

Не растаяла. Не стекла вниз мокрыми дорожками. Просто перестала быть — как будто её никогда и не было, и только палец Евы остался влажным от холода.

Она отёрнула руку.

— Хорошо, — сказала она вслух. — Теперь я официально боюсь собственных рук.

Цезарь фыркнул — тихо, сочувственно. Остаток ночи Ева спала на краю кровати, подальше от собственного тепла, и просыпалась от каждого шороха.

Утром её разбудил колокол — гулкий, длинный, он шёл снизу, из-под пола, и от него дрожала вода в тазу.

Цезарь уже сидел у двери.

Ева надела форму, заплела волосы перед зеркалом и сама удивилась, как мало она похожа на человека, который вчера проверял чужие отчёты. На столе лежала папка, оставленная Риан. Ева открыла её на первой странице.

«Ева Корнилова.

Временный статус — адепт Академии Этерии.

Стихии — не определены».

— Ну хоть здесь честно, — сказала она и вышла в коридор.

И почти сразу снесла девушку.

Та шла, прижимая к груди стопку книг, и на повороте они столкнулись так, что верхние две поехали вниз. Ева успела поймать обе — одну локтем, одну на лету, — и только потом поняла, что за текущие сутки это первое, что она сделала правильно.

— Ой. — Девушка выдохнула. — Спасибо.

— Держите.

— Спасибо, — повторила та и посмотрела на Еву. Потом на Цезаря. Потом снова на Еву. — Ты новенькая.

— Видимо.

— Та самая?

Ева вздохнула.

— Если под «та самая» имеется в виду женщина, которая вчера свалилась в Академию из ниоткуда, то да. Та самая.

Девушка широко улыбнулась. Волосы у неё были тёмно-рыжие, длинные, с заплетённой набок прядью, глаза — зелёные, и смотрела она прямо, без той осторожности, с которой на Еву смотрели вчера все.

— Я Мира Сорен.

— Ева.

— Знаю.

— Конечно.

Мира засмеялась и перехватила книги удобнее.

— Не пугайся, тут уже все знают. К обеду знали даже те, кто вообще ничем не интересуется, а таких у нас мало.

— Замечательно.

— Это правда, что ты пришла через переход?

— Да.

— А правда, что вместе с тобой пришёл... — Мира посмотрела на пса. — ...он?

— Он.

Цезарь подошёл к девушке и обнюхал её ладонь. Мира замерла, но руки не убрала.

— Он огромный, — сказала она.

— Зато воспитанный.

Цезарь сел. Мира посмотрела на Еву с искренним восторгом.

— Он только что меня одобрил?

— Не знаю. Обычно одобрение выглядит примерно так же.

— Тогда мы друзья.

Цезарь медленно отвёл взгляд. Ева усмехнулась.

— Он ещё не согласился.

Они пошли по коридору вместе, и Мира сразу взяла такой шаг, будто они идут не на первое занятие в чужой жизни, а в столовую третьекурсников.

— Тебе на первый курс? Тогда нам по пути. Сегодня основы стихий, у Таррена.

— А кто это?

— Мастер Таррен. — Мира придержала перед ней дверь. — Суровый, как каменная стена, и примерно так же разговорчив. Он за двадцать лет ни разу не повысил голос, и от этого его все боятся больше, чем крикунов.

— А что делают на основах?

— Вызывают. — Мира повела плечом. — У кого что есть. У тебя что есть?

Ева помолчала.

— Официально — ничего.

— Ни одной стихии?

— Ни одной.

Мира остановилась и посмотрела на неё уже без улыбки, внимательно, как смотрят на задачу, у которой не сходится ответ.

— Тогда тебе будет весело.

— Я начинаю это подозревать.

Учебный зал был огромный. В центре — круглая каменная площадка, вытертая до блеска в середине и обожжённая по краям; вокруг, амфитеатром, каменные ряды. Десятки адептов в синей форме уже сидели внутри, и когда Ева вошла, разговоры не стихли, а сделались тише — так бывает, когда обсуждают как раз того, кто вошёл.

Цезарь шёл за ней, и там, где он проходил, разговоры стихали совсем.

— Не обращай внимания, — сказала Мира, усаживаясь на третьем ряду. — Половина из них тебя в глаза не видела, а вторая половина уже всё про тебя знает.

— И что именно?

— Что ты открыла переход, что ректор держал тебя в кабинете два часа и что с тобой пёс, которого не пускают в учебные помещения. — Мира вздохнула. — Про третье, кстати, уже три раза напомнили.

Ева оглядела зал. Взглядов было много, и они не прятались. А один — с шестого ряда у окна — держался дольше остальных.

Там сидела высокая светловолосая девушка с очень прямой спиной. Волосы у неё были заплетены в тугую косу, а на груди формы темнел серебряный знак — язык пламени.

— Это Лиара Вельт, — сказала Мира, не поворачивая головы.

— И?

— Сильнейшая на курсе. И, кажется, ей это известно лучше, чем всем остальным.

— И она меня ненавидит?

— Пока нет.

— Почему «пока»?

— Потому что ты ещё ничего не сделала, — сказала Мира. — Пока ты просто новость. Новости она любит.

Прозвучал звон: короткий, резкий, под потолком вспыхнули светящиеся сферы. Разговоры стихли полностью.

В зал вошёл мастер Таррен — высокий, тёмноволосый, с лицом человека, который давно не находил ничего удивительного. Он прошёл по проходу, не глядя по сторонам, и остановился в центре площадки.

— Сегодня у нас новая адептка, — сказал он. Голос у него был негромкий, но его услышали все. — Ева Корнилова.

Ева подняла руку.

— Здесь.

По залу прошёл смешок — не злой, просто нервный.

Таррен даже не улыбнулся.

— Подойдите.

Мира шепнула ей в спину:

— Удачи.

— Спасибо. Почему мне кажется, что она мне понадобится?

Ева вышла на площадку. Камень под ногами был тёплый, в трещинах, и от этих трещин шёл слабый запах гари.

Таррен достал из ящика каменный шар размером с два кулака и поставил его на низкую подставку.

— Положите руку.

— Что это?

— Определитель стихии.

Ева посмотрела на шар. Камень был серый, гладкий, с едва заметной сеткой прожилок внутри, и в глубине его что-то тускло светилось.

Внутри у неё всё сжалось.

Она облизнула губы и положила ладонь.

Ничего не произошло. Камень был тёплым, чуть теплее воздуха.

Таррен нахмурился.

— Сосредоточьтесь.

— На чём?

— На себе.

Ева закрыла глаза. Вспомнила дом: кухню, чайник, который щёлкает, когда закипает; мать, которая набрасывает шарф и выходит на лестницу; отца, который никогда не закрывает дверь в свой кабинет. Вспомнила лес, туман и существа, из-за которых Цезарь встал между ней и дорогой.

Вспомнила Вейна. Разбитый кристалл. Слово.

Внутри что-то шевельнулось.

Сначала тепло — маленькое, как уголёк под золой. Оно пошло от ладони вверх, к плечу, и там разлилось жаром, будто под кожу залили кипяток.

Ева открыла глаза.

Каменный шар горел.

По серой поверхности побежали золотые линии — от ладони к вершине, торопливо, как трещины по льду, — и кто-то в рядах ахнул.

— Уберите руку, — сказал Таррен.

Ева попробовала.

Рука не слушалась.

Огонь вырвался не из шара, а из-под её ладони — вспышкой, от которой на секунду ослеп весь зал. Ева вскрикнула.

Пламя поднялось вокруг её руки: живое, золотисто-оранжевое, оно стояло стеной в локоть высотой и тянулось выше с каждым её вдохом. Оно не обжигало её. Совсем не обжигало — она чувствовала его как воду, только горячую.

Каменная площадка под ладонью треснула и почернела.

— Не двигаться! — Таррен вскинул руку, и вокруг Евы сомкнулась прозрачная стена. Гул в ней был глухой, утробный, и сквозь него Ева слышала только собственное сердце.

Огонь рванулся выше. От стены по залу пошли волны тёплого воздуха.

— Я не могу его остановить!

— Не сопротивляйтесь.

— Я не сопротивляюсь!

Она сопротивлялась. Всем телом — как сопротивляются, когда падают, хватаясь за воздух. И чем сильнее она стискивала зубы, тем выше поднималось пламя.

Кто-то в рядах встал. Мира — Ева увидела её боковым зрением.

— Ева!

И тогда она услышала рычание.

Цезарь стоял у двери, там, куда его не пустили, и рычал — низко, ровно, так, что от звука дребезжало стекло в окнах. Шерсть на его загривке светилась: не отражала свет, а горела сама, по ключьям, от загривка к хвосту, от золота к меди.

Он смотрел на неё.

И Ева вдруг поняла, что бороться не надо. Ни с чем. Огонь не враг ей — он просто испугался вместе с ней.

Она выдохнула — длинно, до конца, — и опустила плечи.

Пламя опало. Последняя золотая искра погасла на её ладони.

В зале стало тихо так, что стало слышно, как падает на пол окалина.

Таррен медленно опустил защиту. Стена исчезла, будто её и не было.

Ева посмотрела на с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.